

«Семья Молчановых - XX век»

«Только допустив бесконечно-малую единицу для наблюдения – дифференциал истории, то есть однородные влечения людей, и достигнув искусства интегрировать (брать суммы этих бесконечно-малых), можно надеяться на постигновение законов истории» (Лев Николаевич Толстой «Война и Мир», т. III). Истории семей – непрерывно связанные и переходящие из одного поколения в другое, являются моделями, интегрированными в историю человечества. В России в начале XX века произошли события, в результате которых на протяжении века стала разрываться связь поколений. После революции 1917 года было отвергнуто предыдущее поколение призывом «весь мир насилья мы разрушим до основанья» и людям запретили вспоминать предков неугодных новой власти. Во времена Сталина появились враги народа и миллионы русских семей должны были официально отказаться от своих предков. После перестройки появилось глубокое недоверие к поколению «застойного» периода советской власти и уважение нового поколения к своим предкам вновь пошатнулось. Это очень прискорбно, но факты – вещь упрямая. В настоящее время в России всё больше появляется интереса к генеалогии и истории семей. Процесс этот естественный и требует деликатной поддержки. Ответственность детей и следующих поколений, как мне представляется, состоит в том, чтобы оценить и усвоить положительные, ценные качества характера, поступков и деятельности наших предков и членов их семей, чтобы продолжить именно эти традиции и умножить это положительное начало, приносимое каждым человеком в этот мир. Знание истории своей семьи позволяет ощутить свое вневременное существование в лице своих предков, в своем собственном и своих ближайших родственниках, а также надеяться на его продолжение в памяти своих потомков. Мир российских семей чрезвычайно расширился. История почти любой российской семьи XX века уже не только информационно, но и физически протекает на территории всего мира, тем не менее оставаясь духовно и по сути частью истории России.

Основные события в России ушедшего века отразились и на истории нашей семьи: Столыпинские реформы, переселение в Сибирь, революция 1917 года, эмиграция за рубеж в 1920 годы, «пряник и кнут» Сталинских времен, репрессии 1937 года, Великая Отечественная Война, советская восстанавливающая и застойная власть, эмиграция 1990 годов, «новая русская» государственность.

Родившись в России, в Екатеринбурге (тогда Свердловске), на границе Европы и Азии в середине XX века - в год, когда Россия и весь мир праздновали победу над помутившейся рассудком гитлеровской Германией, я пишу эти строки в Вашингтоне - столице Соединенных Штатов Америки.

Мои родители мама – Людмила Ивановна в девичестве Ильина, а по рождению Богородская Людмила Алексеевна, 1922 года рождения, и папа - Павел Васильевич Молчанов, 1905 года рождения, нашли своё счастье под канонадами Западного фронта, под Кенигсбергом.

Людмила и Павел Молчановы, 1958 год.
Из семейного альбома Молчановых.

Павел Молчанов – инженер горного дела, 6 июля, через 2 недели после начала Великой Отечественной Войны, ушел добровольцем в рядах народного ополчения, а Людмила Ильина отправилась на передовую врачом летом 1943 года, сразу после окончания свердловского медицинского института. Мирная совместная жизнь Людмилы и Павла Молчановых началась в 1946 году в Москве. Павел Молчанов, имея престижное по тем временам высшее образование и разминировавший километры боевых полей Великой Отечественной и Японской войны, смог доказать, что он имеет право поселиться с семьей в комнате 12 кв. метров, расположенной на лестничной площадке квартиры на Большой Андрониевской, в которой он жил до войны и которая когда-то принадлежала семье его сестры Надежды Васильевны Молчановой, в замужестве Забелиной. Квартира Забелиных в 1936 году занимала целый этаж. Она была дана советским правительством мужу моей тети - Надежды Васильевны, инженеру Дмитрию Григорьевичу Забелину. Забелин был талантливым инженером, неоднократно направлялся работать в Европу и даже проектировал плотины для США. Дмитрий Григорьевич Забелин смог сделать карьеру в сталинские времена, будучи

беспартийным. Забелин с 1936 года по приказу Наркома Путей Сообщения Кагановича был первым заместителем начальника Центрального Управления Путей Сообщения. Надежда Васильевна в это время была активным членом женского комитета при ЦК КПСС. Благополучие их семьи, как и миллионов других семей, оборвалось в 1937 году. Дмитрий Григорьевич Забелин был расстрелян как «враг народа», а тетя Надя провела в лагере 6 лет. Квартира и имущество были конфискованы, но чудом уцелела дача в Кратово, теперь в элитном поселке по Казанской железной дороге, которая и по сей день принадлежит потомкам Забелиных. О былых днях, ставших трагическими, напоминает фотография, где Надежда Васильевна снята рядом с Кагановичем. Может быть кто-то узнает и своих родных на этой фотографии.

Комитет советских женщин, 1935 год.

Из семейного альбома Молчановых.

В центре - Каганович, справа Надежда Васильевна Забелина,
в девичестве Молчанова.

Наша комнатуха на Андрониевской после ужасов военного времени стала очагом тепла и уюта. Никого не раздражало, что более двадцати семей готовили еду на общей, темной, закопченной кухне, что все они пользовались одной раковиной, одним туалетом, куда по утрам выстраивалась длинная очередь. Для меня – веселого и любопытного ребенка, было развлечением записываться в очередь за мукой, дрожжами и выстаивать их часами на московском двадцатиградусном морозе. Потом эти

очереди за мукой превращались волшебными мамиными руками в пироги, плюшки, сибирские пельмени. На эти лакомства приходило много гостей. Особенно любил мамины пельмени Николай Васильевич Мельников, крупный, веселый сибиряк, папин приятель и тогда заместитель министра угольной промышленности восточных районов СССР. Танцевали гости по очереди на табулете по аккомпанементу папиной зажигательной и виртуозной импровизации на пианино. А потом пели русские романсы о любви – грустные и протяжные.

Большими праздниками были приезды бабушек. Мамина мама – Зинаида Павловна Ильина (баба Зина или Зиночка), была необычайно красивой, изящной и начитанной дамой.

Зинаида Павловна Миляева (в замужестве Богородская и Ильина),
Екатеринбург, 1928 год. Из семейного альбома Молчановых.

Так она, по крайней мере, выглядела со стороны, но для нас была милой и заботливой бабушкой. Она приезжала из Свердловска в Москву с заранее составленным расписанием всех новых спектаклей, а каждого любимого актера знала в лицо. Но для меня более интересен был её специальный чемодан, в котором в идеальном порядке доставлялись сладкие пироги с черникой, курагой и черносливом; с необыкновенной вязью закрученными плюшками; с кедровыми орехами и фундуком.

Бабушка – Зинаида Павловна в девичестве Миляева, происходила из мещан древнего городка, известного с 1631 года – Рузаевка. Она родилась в 1898 году вскоре после того, как в 1893 году фактический хозяин железной дороги Москва-Казань - фон Мекк, перевел из Саранска в Рузаевку паровозное депо и другие службы, в результате чего Рузаевка стала крупным

железнодорожным узлом. Родители бабушки – Татьяна Гавриловна и Павел Степанович Миляевы, зажиточные мещане, содержали ресторан в Рузаевке. Дети Миляевых: Мария, Николай, Зинаида и Александр, закончили гимназию. А секреты русской кухни моя бабушка получала как бы в наследство. Зинаида Миляева вышла замуж в 1920 году за Алексея Богородского, сына Богородской Лидии Артемьевны, из польских переселенцев.

Лидия Артемьевна (наша прабабушка)
и сын Алексей (наш дед) Богородские, 1900 год.

Из семейного альбома Молчановых.

В конце 1860-х - начале 1870-х годов в этих местах было особенно много поляков. Это участники польского восстания, высланные сюда с родины или переведенные из сибирской ссылки. В 1922 году семья Богородских жила в Симбирске, где и родилась моя мама – Людмила.

Зинаида, Людмила и Алексей Богородские. Симбирск 1922 год.
Из семейного альбома Молчановых.

В 1923 году Алексей Богородский скончался и молодая красивая Зиночка Богородская осталась одна с годовалой дочкой. В 1923 году заканчивалась гражданская война и Россия переживала одну из самых страшных катастроф XX века – голод. Семья Миляевых была очень дружной и отзывчивой.

Сначала Зинаида Павловна переехала жить в Екатеринбург к своей сестре Екатерине Павловне, которая к тому времени была замужем за Петром Федоровичем Ильиным. Младший брат Петра Федоровича – Иван Федорович, страстно влюбился в Зиночку Богородскую. Вскоре они поженились. Иван Федорович Ильин удочерил Людмилу, мою маму, дал ей своё отчество и фамилию.

Иван Федорович и Зинаида Павловна Ильина, 1942 год.
Из семейного альбома Молчановых.

Так моя мама стала Ильиной Людмилой Ивановной. Иван Федорович был прекрасным мужем, отцом и дедом. Вплоть до его смерти в 1968 году я не знала о том, что он не родной дед. Дед Иван всю жизнь проработал товароведом и мотался по всей стране. Выходец из рабочей семьи, он обладал природным умом и интеллигентностью. Зинаида Павловна и Иван Федорович Ильины составляли как бы семейное ядро тех родственников, которые жили на Урале и в Поволжье. В тридцатые годы дед был репрессирован, более года просидел в свердловской тюрьме, где получил тяжелые увечья. Тюрьмы не миновала даже старенькая Татьяна Гавриловна Миляева, моя прабабушка. Могла серьезно пострадать и мама, когда у неё, тогда свердловской школьницы, нашли разорванную на клочки газету с портретом Сталина. Но Бог милостив и чекистская кара маму миновала. В Великую Отечественную войну бабушка и дед работали в тылу. В Свердловске формировалась 22-я армия, несколько дивизий, ряд других частей и соединений, в том числе легендарный Уральский добровольческий танковый корпус. Тыловики не знали выходных, сытной еды, покойного сна.

Брат моей бабушки – Александр Павлович Миляев (дядя Шура), был легендарной фигурой в России, особенно в Москве и в Ленинграде, в 1935-1950 годах.

Александр Павлович Миляев, 1950 год, Москва.
Из семейного альбома Молчановых.

В апреле 1939 года в клубе мастеров спорта проводился Всесоюзный турнир по «Русской пирамиде», где впервые в истории русского бильярда, по его окончанию, Александру Павловичу Миляеву было присвоено звание «мастер спорта». И хотя до 1940 г. русский бильярд претерпел и хвалу и гонения, Александр Миляев был знаком всему генералитету Москвы, т.к. было почетно «разбить пирамиду» именно с Миляевым. После войны слава бильярдиста Александра Миляева не затихает. В 1948 году он становится чемпионом Москвы по "русской пирамиде", выиграв в финале у А. Березина. Жил дядя Шура с семьей (жена и двое детей) в кишкообразной комнате (около 15 кв. метров) в Георгиевском переулке. Все стены и полочки были увешаны и уставлены роскошными призами, а лестница в общую квартиру воняла и мяукала кошками. Дядя Шура в жизни был чрезвычайно приветлив, общителен, добр, имел много друзей, среди которых были известные в России и в мире: Валерий Чкалов, Михаил Водопьянов, Василий Войченко, братья Какинаки, Иван Семенович Козловский, знаменитый русский тенор; шахматисты: Михаил Моисеевич Ботвинник, Василий Васильевич Смыслов; теннисист и комментатор Николай Николаевич Озеров. Потомки Александра Миляева живут в Москве.

Свою бабушку с папиной стороны – Юлию Степановну Молчанову (бабу Юлю), я помню довольно хорошо, несмотря на то что она умерла в 1949 году, когда мне было четыре года. Мама и папа принимали её как специальную гостью, с подчеркнутым уважением. Баба Юля осталась в памяти как почтенная старая женщина, с достоинством держащая голову, украшенную натуральными седыми кудрями. Кресло, в котором она проводила большую часть времени, - кожаное с деревянными витыми

подлокотниками, очень высокой спинкой, казалось мне огромным. Как мне потом рассказывали – кресло, такой же старинный диван и стол, достались папе в наследство от бабушки. Эта мебель едва помещалась в комнатке, но другой не было, да папа никогда бы не позволил её заменить, так дороги ему были эти и другие семейные реликвии.

Юлия Степановна родилась в 1869 году в (дворянской?) семье Кудиновых, Смоленской губернии. Она была православного вероисповедования, образована, целеустремленна, и имела твердый характер. В январе 1890 года она обвенчалась с Василием Иосифовичем (Осиповичем) Молчановым в Духовской церкви города Вязьмы (Дорогобужа), Смоленской консистории. Мой дед – Василий Осипович Молчанов родился в 1862 году. Его родители Степанида Васильевна и Иосиф (Осип) Ефимович Молчановы были крестьяне в селе Климов Завод, Юхновского уезда, Смоленской губернии. Климов Завод был центром владений князей Юсуповых, которые отличались тем, что отпустили своих крестьян на «легкий оброк» еще до отмены крепостного права в 1861 году. Крестьяне Юхновского уезда, как родители моего деда, были хозяйственными и зажиточными. Об этом свидетельствует тот факт, что Василий Иосифович в 1884 году закончил Александровскую гимназию Смоленского Земства в городе Вязьма, где образование было платным. В том же 1884 году он поступает в Императорский Московский Университет, на медицинский факультет, где обучение тоже было платным. Молчанов Василий Осипович закончил Императорский Московский университет в 1889 году в звании уездного врача. Сразу после окончания университета он венчается с моей бабушкой. С точки зрения сословного происхождения брак был неравным по тем временам. Но семья Молчановых была счастливой и дружной. Бабушка следовала за дедом по всем местам его назначения и выбора: село Горки, Вяземского уезда; Серпейск, Мещовского уезда, Калужской губернии; Томск, Иркутск и, наконец, Чита в Забайкалье. В Чите семья Молчановых обосновалась обстоятельно с 1906 года.

Переселение в Читу было сознательным, совместным решением Молчановых. Материальные трудности, сибирские морозы, сложная политическая обстановка не пугали молодую семью Молчановых. Вместе с ними в Читу приехала родная сестра бабушки Екатерина Степановна Кудинова.

Переселение в Сибирь, Россия 1906 год. Из семейного альбома Молчановых.

Конец XIX и начало XX веков ознаменовались в России освоением земель Сибири, поддерживаемым государством. Особенно это касалось переселения крестьян в соответствии со Столыпинскими аграрными реформами 1906 года. Переселение в Сибирь сопровождалось появлением актуальных проблем в области образования и здравоохранения. Семья Молчановых вписывалась в проблемы российского общества в Сибири как нельзя лучше: Василий Осипович – врач, а Юлия Степановна – педагог по натуре и образованию, это было классическое сочетание в одной семье двух благородных профессий.

Василий Осипович Молчанов работал сначала врачом-терапевтом, а потом главным врачом в Клинической больнице Чита-1 (1918-1922), Забайкальской железной дороги.

Коллектив врачей железнодорожной больницы Чита-1, 1910 год.

Из семейного альбома Молчановых.

Василий Осипович Молчанов – крайний слева.

Строительство исторической Забайкальской железной дороги 1885-1900 сопровождалось строительством многочисленных важных для жизни людей и истории г. Читы объектов. Чита-1 была узловой железнодорожной станцией с депо и множеством вспомогательных служб. Через нее пронеслись русско-японская война, революция 1905 года, бурное время до 1917 года, гражданская война. Вопросами профилактики, охраны и лечения населения в Забайкалье до революции занимались разные ведомства и учреждения – казачьи, железнодорожные, гражданские, земские, переселенческие. Первое в Забайкалье лечебное учреждение было открыто горным ведомством – госпиталь в Нерчинском Заводе в 1742 году (Нерчинская каторга). В 1762 году была открыта первая аптека в Забайкалье и первая госпитальная школа, где готовили практикующих врачей. В 1894 году открыто Читинское отделение Российского Красного Креста. В 1900 году в Забайкалье насчитывалось 92 больницы, основная их часть (40 больниц) обслуживала золотые прииски и существовала на деньги крупных золотопромышленников, четырнадцать лечебниц находилось в военном ведомстве. В 1906 году в Чите был открыт первый рентгеновский кабинет в ремесленном училище. Но все же с 1861 по 1915 год по уровню обеспеченности медицинскими кадрами Забайкалье занимало последнее место в России. Больница открыта в Чите-1 в июле 1900 года для обслуживания железнодорожников, их семей и пассажиров. К 1906 году в

ней было 40 коек. Больницы состояли из главного корпуса, барака для заразных больных, прачечной.

Василий Осипович Молчанов владел навыками врача широкого профиля. Терапия, инфекционные заболевания, хирургия, прием родов и даже патологоанатомия – все эти дисциплины имели практическое приложение в деятельности земского врача Молчанова. Кроме того Василию Осиповичу, как главному врачу больницы, приходилось решать административно-хозяйственные проблемы, которых было огромное множество в постоянно меняющейся военной и политической обстановке Забайкалья в начале двадцатого века.

Чита-1, 1910 год. Василий Осипович Молчанов (третий слева) на пикнике.
Из семейного альбома Молчановых.

Приемный покой железнодорожной больницы Чита-1, 1922 год.
Из семейного альбома Молчановых.
Василий Осипович Молчанов – крайний слева.

Семья Молчановых жила в большом доме при больнице, типа усадьбы, и имела обширное приусадебное хозяйство: сад, огород, конюшню, птичий двор.

Дом Молчановых в Чите, 1918 год. Из семейного альбома Молчановых.
Слева направо: Юлия Степановна, сын Юрий, сын Павел, помощник по хозяйству, Василий Осипович Молчанов.

К 1908 году у Молчановых уже было трое детей (Надя -1891, Юра – 1898 и Павел – 1905 года рождения). Юлия Степановна могла осуществить свою давнюю мечту – открытие собственной гимназии. В Чите к 1906 году работали Читинская мужская гимназия, Читинская женская 1-я и 2-я гимназии, а Чита была культурным центром Забайкалья. К 1900 году в городе насчитывалось 1400 домов, в основном деревянных, имелось 9 церквей, женский монастырь, синагога, католический костёл, отделение Приамурского отдела Русского географического общества (с музеем и библиотекой), действовали фабрики и заводы (чугунолитейные, механический, лесопильные, пивоваренный, квасной, гончарно-изразцовый и др.).

Буддийский Дацан (модель) построен в Чите в 1898-99 годах.
Из семейного альбома Молчановых.

Строительство дацана было приурочено к Сельскохозяйственной и промышленной выставке в Чите в августе 1899 года. В 1914 году дацан сгорел при невыясненных обстоятельствах. В настоящее время в Чите возобновилось строительство буддийского дацана. Основные работы по его возведению планируется завершить уже к 2008 году.

Школ, реальных училищ было довольно много, но право стать студентом университета имел только окончивший полный курс обучения в классической восьмиклассной гимназии, а их в городе было только три. Читинская частная мужская гимназия была основана 19 августа 1908 года и принадлежала моей бабушке Юлии Молчановой и её компаньонке Елизавете Кашперовой. Елизавета Кашперова была, по видимому, дочерью известного композитора Владимира Никитовича Кашперова (1827-1894), о которой, как о пианистке, упоминает Софья Андреевна Толстая в своих письмах ко Льву Николаевичу Толстому.

Молчанова Юлия Степановна, 1900 год.

Молчанова Юлия Степановна – учредительница и директор частной мужской гимназии, Чита, 1906 год. Из семейного альбома Молчановых.

С августа 1912 года, согласно распоряжению министра народного просвещения, действовала как частная мужская гимназия, а с июля 1917 года в соответствии с разрешением того же Министерства как мужская гимназия со всеми правами правительственных учебных заведений. Гимназия состояла из восьми обычных классов и двух (в 1918 - четырёх) подготовительных классов. В 1918 здесь обучалось 157 мальчиков и это не были годы расцвета гимназии. О масштабности гимназии можно судить по сравнению числа воспитанников с другими частными гимназиями в России в то время. Так в мужской частной гимназии А. Е. Флерова (Москва) в 1907 году было 120 воспитанников; в частных мужских гимназиях Л. И. Поливанова (Москва) и Ф. И. Креймана (Москва) число воспитанников не превышало двухсот. А это были известные и престижные гимназии. Гимназия Юлии Молчановой располагалась в арендованном двухэтажном деревянном помещении, при ней функционировала библиотека.

Частная мужская гимназия Юлии Молчановой и Елизаветы Кашперовой,
Чита, 1910 год.

Из семейного альбома Молчановых.

Из четырнадцати преподавателей семь имели специальное педагогическое образование. Учебная программа включала в себя Закон Божий, русский язык, математику, историю, природоведение, географию, латинский, французский и немецкий языки, космографию, рисование и другие предметы. Уделялось большое внимание воспитательной работе, проводились экскурсии в музей, совершались под руководством учителей географии и естественной истории, туристические поездки и походы для ознакомления с местной флорой и фауной, для учеников младших классов устраивались литературные утренники с присутствием родных и знакомых, по собственной инициативе гимназисты разных классов ставили домашние театральные представления во время праздничных каникул. В свободное от занятий время проходили музыкальные состязания.

Это, хотя и формальное, описание деятельности бабушкиной гимназии («Энциклопедия Забайкалья», 2007) несет для меня необходимую информацию, которая официально подкрепляет рассказы папы о ней, о жизни Молчановых в Забайкалье. Основатели гимназии пытались создать домашнюю, семейную обстановку для детей, которая бы способствовала воспитанию в духе христианства и нравственности. Воспитанники приучались к делам, к порядку, к исполнению долга и обязанностей. Из этих описаний вырисовывается живой образ моей бабушки. Она была очень ответственной и строгой по отношению как к гимназистам, так и к своим детям. Эти её черты прекрасно сочетались с теплотой и заботой о подрастающем поколении. Знания, образование, воспитание – неотъемлемая часть бабушкиной жизни, жизни её детей и внуков. Это реальное подтверждение того, что интеллектуальные черты передаются по наследству. Только для этого стоит изучать историю своих предков, чтобы как можно раньше понять их замечательные качества и не сбиться с предназначенного пути. Поэтому знания об истории семьи необходимо донести до детей в их раннем возрасте, чтобы подготовить их к вступлению в мир на крепком фундаменте, заложенным их предками. Ответственность детей и следующих поколений состоит в том, чтобы оценить и усвоить положительные качества

характера, достойные поступки и понять деятельности наших предков и членов их семей для того, чтобы продолжить именно эти традиции, умножить это положительное начало.

Жизнь семьи Молчановых в Чите была наполнена трудом. Бабушке очень помогала её сестра Екатерина Степановна Кудинова (1864 г. рождения). Она пережила несчастную любовь в юности и посвятила свою жизнь семье сестры. Молчановы безусловно умели отдыхать и развлекаться. Пианино и охотничьи собаки присутствуют на всех фотографиях тех лет.

Екатерина Степановна Кудинова и Юлия Степановна Молчанова
В семейной обстановке с детьми, Чита – 1, 1912 год.
Из семейного альбома Молчановых.

Музыкальные вечера, концерты, и просто музыка – неотъемлемая часть их жизни. Охота -летом и зимой, на Байкале и окрестных сопках, церковные праздники и обязательная пасха по-калужски с миндалем, смех детей и присутствие красивых женщин делали их жизнь привлекательной и уютной.

Музыкальные вечера, концерты, и просто музыка – неотъемлемая часть их жизни. Охота -летом и зимой, на Байкале и окрестных сопках, церковные праздники и обязательная пасха по-калужски с миндалем, смех детей и присутствие красивых женщин делали их жизнь привлекательной. В доме моей бабушки было уютно и интересно всем как близким, так и многочисленным гостям. Традиции дома Молчановых в Чите сохранились в поколениях. Все дети Молчановых получили высшее образование, говорили на нескольких иностранных языках и прекрасно играли на пианино.

Когда я пытаюсь представить жизнь нашей семьи в Забайкалье в те для меня далекие времена, то мне становится понятно, что это была жизнь представителей русской либеральной интеллигенции в Сибири как по профессии, так и по укладу жизни. К моменту революции 1917 года Молчановы достигли успеха, претворили в жизнь свои стремления, дети учились, а быт был налажен. Старшая дочь – Надежда, закончила Бестужевские курсы, или Петербургские высшие женские курсы - одно из первых и прогрессивных женских высших учебных заведений в России, и вышла замуж по любви за инженера Дмитрия Забелина. Старший сын Юрий учился в Петроградском институте инженеров путей сообщения, по тем временам профессия железнодорожника была дефицитная, Павел учился в гимназии.

Революция 1917 года положила начало физическому распаду семьи Молчановых, но духовно семья оставалась всегда тесно связанной.

Советская власть в Забайкалье завоевывала свои рубежи и утверждалась сложными путями. Основной силой, оказывающей сопротивление были казачьи войска. Забайкальское казачество охраняло российско-китайскую границу и помогало полиции в поимке беглых каторжников. Тесные связи были у казаков с бурятами и монголами. В конце октября 1917 года Забайкальский Комитет Общественной Безопасности осудил вооруженное восстание в Петрограде и отказался признать власть Совета Народных Комиссаров. Но 1917 год разрушил даже казачье единство. Если 1-й Читинский полк, прибыв с фронта, начал разоружать красную гвардию, то прибывший с Кавказского фронта 2-й Читинский полк наоборот, участвовал в установлении советской власти в Чите в феврале 1918 г. Но уже в апреле 1918 года в Забайкалье вступил Особый Маньчжурский Отряд казачьего атамана Григория Михайловича Семенова.

В ноябре 1918 приехал в Омск адмирал Александр Васильевич Колчак, где был назначен военным и морским министром правительства эсеровской Директории. В декабре 1918 года Колчак совершил переворот и взял на себя ответственность "Верховного правителя России". Колчак поставил себе цель "победу над большевизмом и установление законности и правопорядка".

В августе 1918 года в Чите против Советов восстали мобилизованные казаки и Красная Армия оставила Читу. В сентябре 1918 года в Читу прибыл атаман Г.М. Семенов. Но его полномочия атамана Забайкальского казачьего войска не были признаны Колчаком. И только в мае 1919 года Семенов был избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска третьим войсковым кругом. Приказом А. В. Колчака от 18 июля 1919 года Семенов был назначен помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры немного позже походным атаманом всех казачьих войск Российской Восточной Краины.

К началу 1919 года белые армии достигли значительных успехов, когда армия Деникина, численностью в 130.000 чел., в своем продвижении к Москве заняла города Орел и Воронеж, очистила большую часть Украины, правым флангом упиралась в Волгу армия Колчака, численностью в 160.000 человек очистив Западную Сибирь, она перевалила через Урал и подходила к Волге с востока, а Северо-Западная армия Юденича воевала на подступах к Петрограду.

В ноябре 1918 года по распоряжению Колчака во Владивосток были эвакуированы все гардемарины Морского Корпуса, Морского Инженерного Училища, а также юнкера флота. Это событие повлияло на настроение студентов и других высших учебных учреждений Петрограда. В начале 1919 года окрыленный успехами Белой Армии и информированный об установлении власти атамана Белой Армии Семенова в Забайкалье, студент Петроградского института инженеров путей сообщения Юрий Молчанов возвращается в Читу. В том же году Юрий поступает в Морское училище, которое было восстановлено в Шефнеровских казармах, в помещении школы специалистов Сибирской флотилии во Владивостоке (Алексей Карлович Шефнер – первостроитель Владивостока в 1871-1875 годах). Так сын Юлии Степановны и Василия Осиповича Молчановых – Юрий Молчанов становится гардемаринном Российского флота и присягает Андреевскому флагу. После падения Правительства адмирала Колчака в январе 1920 года, и после того, как инструкторская школа на «Русском острове» взбунтовалась против белой власти, во всем Приморье надежным воинскими частями остались Морское училище и Военно-морская учебная команда. Командующий Морскими силами контр-адмирал М. А. Беренс приказал Начальнику Училища капитану первого ранга Михаилу Александровичу Китицыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключая миноносцев. По разным причинам их оказалось немного. М. А. Китицыну удалось захватить только "Орел", "Якут" и ледокол "Байкал". Капитаном Китицыным было принято решение на "Орле" и "Якуте" идти к генералу Врангелю в Севастополь. Гардемарины снова были распределены по всем специальностям. На корабли были взяты около 500 человек флотилии с членами их семейств.

Юрий Молчанов оказался в составе экипажа один, без семьи. Обстановка была очень сложная. Помимо несогласия между морским и сухопутным

командованием, на Владивостокском рейде стояли корабли союзников. Они не хотели разрешать отхода Отряда из Владивостока. Только личное вмешательство японского флагмана разрешило вопрос. Ночью с 30 на 31 января 1920 года контр-адмирал Беренс прибыл на крейсер «Орел» и дал приказ об эвакуации. В 5 часов утра ледокол «Байкал», ломая лед, начал выводить «Орла» и «Якута» из Золотого Рога.

Юрий Молчанов, двадцати одного года, не мог и подозревать, что это был его последний взгляд на родной российский берег и что уже никогда в жизни он не увидит своих родных: маму, отца, сестру, брата, тетю. Юрий не строил тайных планов эмигрировать из России. Он рассматривал это предприятие, как необходимую временную меру - эвакуацию солдат Белого Движения, чтобы сохранить их боеспособные силы для окончательной победы в России.

Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания, вернулся затем во Владивосток. «Орел» и «Якут» сначала направились в Цуругу (Япония, остров Хонсю), потом пошли в Маджи и дальше в Гонк-Конг и Сингапур. Там они починились, получили для перевозки новый груз и вышли в Калькуту, сделав небольшую остановку на Адаманских островах, где произвели учебный десант на берег. Дальше Цейлон, Сейшельские острова, Аден и Порт-Саид, где неожиданно застряли. В Порт-Саиде Михаил Александрович Кितिцын впервые достоверно узнал, что в Крыму Белая Армия закрепились и продолжает борьбу с большевиками. Между тем положение Отряда становилось катастрофическим: кончились уголь, вода и провизия, не говоря уже о невозможности идти куда-нибудь, английский Командир Порты отказал даже дать разрешение сняться с якоря. Тогда Кितिцын поставил ультиматум английскому Высокому Комиссару в Египте, что если через 36 часов не будут даны уголь, вода и провизия, как и официальное разрешение выйти в море, то он выведет корабли и затопит их поперек Суэцкого канала. Действие этого ультиматума было магическое: не прошло 2 часов, как англичане предоставили судам отряда все необходимое, и «Орел» и «Якут» 12 августа 1920 года пришли в Адриатическое море и стали на якорь в октябре 1920 года в Дубровнике. Крейсер «Орел» после передачи в Югославии представителям Добровольного флота был переведен в Александрию, где в 1921 году был продан представителям английской компании. В дальнейшем «Орел» бороздил воды Индокитая под британским флагом. Капитан 1 ранга М.А. Кितिцын принял решение идти в Севастополь, командуя ПС «Якут». Вместе с ним на «Якуте» пошли в Севастополь 49 корабельных гардемарин, 47 гардемарин 2-й роты и 15 гардемарин 3-й роты.

На берег списали около 100 гардемарин среди них был Юрий Молчанов. Так закончился почти девятимесячный переход через три океанских акватории и жизнь в России для Юрия Васильевича Молчанова и началась новая непредсказуемая жизнь эмигранта в чужой для него стране – Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС).

Факт эмиграции Юрия за рубеж тщательно скрывался семьёй Молчановых. Была придумана история его фиктивной смерти на охоте от случайного выстрела. Для представления официальной власти она выглядела вполне правдоподобно, да и свидетели могли это подтвердить, т.к. охота в семье Молчановых была популярна и традиционна. Эта вымышленная история спасла карьеру, а может быть и жизнь, оставшимся в России родственникам в 1920-1950 годы и вплоть до перестройки Юлия Степановна покинула гимназию в 1920 году в связи с финансовыми и семейными трудностями. Василий Осипович оставил службу в 1928 году. Вскоре после этого семья Молчановых переехала жить в Москву к старшей дочери Надежде Васильеве Забелиной. Мой папа – Павел Молчанов, младший сын Юлии Степановны и Василия Осиповича, закончил Московский Институт Горного Дела в 1932 году. Жизнь молодого поколения Молчановых - Надежды и Павла, в 30 годы в Москве осталась для меня в облике заманчивой тайны. Мои тетя и папа, оба, писали стихи, играли на пианино, тетя Надя очень прилично рисовала. В те годы они были вхожи в богему московского общества и были знакомы с Сашей Черным, Максимилианом Волошиным, Алексеем Толстым. Летом ездили в Крым, в Коктебель, по-видимому, на дачу Волошина. После института Павел Молчанов пару лет работал в шахтах Кривого Рога.

Павел Молчанов, второй справа в верхнем ряду.
Криворожье, Октябрьский рудник, 1930 год.
Из семейного альбома Молчановых.

К 1 января 1934 года в Москве развернул фронт работы в полную силу Метрострой. Для исторической стройки были привлечены горняки-тоннельщики в первую очередь из Донбасса, потом с Урала, из Сибири и с Кавказа. Павел Васильевич Молчанов оказался в их рядах. Он был среди строителей первой и наиболее сложной в строительстве станции метро «Красносельская». Как другие строители и очевидцы (1935 г.) Павел Васильевич рассказывал, что котлован был шириной около 20 метров. На бровке котлована висели двухэтажные и четырехэтажные дома, с другой стороны проходил трамвай. Выше был богатый водой Алексеевский парк. В том котловане, который они вырыли, было бы очень удобно сделать пруд и разводить карасей, потому что на него шли воды со всей округи. Воду собирали, выкачивали в лотки и сейчас же схватывали бетоном выбранную часть котлована под отметку. Крепление трещало. Однажды в одну ночь сваи осели на несколько десятков сантиметров. За наружными стенами появились трещины. Скрип и треск скрепления создавали впечатление гибели дела. В течение месяца было уложено почти 7 000 кубических метров бетона и 150 погонных метров готовой станции. В ночь на 1 июля 1935 г. уложили мы последние кубометры бетона на станции. Но население Сокольников еще не знало о том, что под улицей уже готовы тоннель и станция. Когда освободили станцию от лесов и опалубки, открылся тоннель, показавшийся строителям произведением искусства. В семье хорошо знали эту историю и часто вспоминали, т.к. в одном из домов у метро «Красносельская» до сих пор живут наши близкие родственники. Павел Васильевич работал на строительстве Московского метрополитена до 1940 года. В 1940 году он был принят на работу во вновь образованный (1938 г.) Институт Горного Дела Академии наук СССР. Однако недолго наслаждался академической работой, как грянула Великая Отечественная Война.

Павел Молчанов, г. Вильно, 1944 год.
Из семейного альбома Молчановых.

Как выяснилось значительно позже Юлия Степановна никогда не прекращала тайной переписки со старшим сыном Юрием Молчановым. Юрий не растерялся за границей, как это случалось со многими эмигрантами, кроме того до эмиграции он учился в Петроградском Институте Инженеров Путей Сообщения. Профессия инженеров, особенно русских, в 1920 годы была сильно востребована в КСХС. Только в Белграде в министерстве путей сообщения работало 65 русских инженеров. С 1921 и по 1927 год в Белграде возглавил «Союз русских инженеров» бывший министр путей сообщения царской России, инженер-путеец и технолог эмигрант Эдуард Брониславович Кригер-Войновский. Нет сомнения, что этот союз оказывал огромную помощь русским эмигрантам. К маю 1921 г. в Белградском университете читали лекции 33 русских ученых. На техническом (инженерном) факультете преподавал термодинамику Александр Андреевич Брандт. Брандт был ректором Петроградского Института Инженеров Путей Сообщения в 1906-1911 и 1917-1918 годах. Юрий Васильевич Молчанов, по видимому, мог рассчитывать на его содействие в продолжении высшего образования. В 1927 году Юрий Молчанов заканчивает Белградский Университет технический (инженерный) факультет и начинает работать инженером по сооружению мостов. В том же году он женился на Вишняковой Вере Александровне, 1903 года рождения, вероятно, из семьи статского советника Александра Григорьевича Вишнякова. Отец Веры Вишняковой – Александр Вишняков, служил полковым священником в Белой Армии и был расстрелян Красными войсками. Её мама Елизавета Вишнякова с двумя дочками Ольгой (1903 года рождения) и Верой спаслась и бежала в КСХС в Дубровник. Два брата Вишняковых Жорж (1901 года рождения) и Владимир учились в Ярославском Кадетском Корпусе и в 1914 году были эвакуированы в Сумы, Полтавской губернии. В Сумах они дружили с кадетом Полоцкого Кадетского Корпуса Леонидом Буйневичем. Сын Леонида Брониславовича – Леонид Буйневич впоследствии женился на представительнице рода Лермонтов в Австралии.

Слева направо: Валери Буйневич-Лермонт, Леонид Буйневич, Татьяна Молчанова, Австралия, 2009.

Братья Вишняковы позже присоединились к Белой Армии. Владимир погиб, а Жорж, получив тяжелое ранение в голову чудом спасся. В Дубровнике Вишняковы подружились с семьей Лермонтовых, эмигрировавших из России в 1920 годах (см. «Лермонтовы XX век»). Григорий Михайлович Лермонтов, полковник Императорской армии, георгиевский кавалер, жил в Дубровнике с женой Софьей Григорьевной и двумя сыновьями Александром (1908 года рождения, Петербург) и Юрой (1910 года рождения, Петербург), учившимися в Кадетском Корпусе. Когда мой дядя Юрий Васильевич Молчанов женился на Верочке Вишняковой, семьи Лермонтовых, Вишняковых и Молчановых образовали спаянную русскую общину, которая впоследствии укрепилась семейными узами. Моя двоюродная сестра Лидия Молчанова родилась в 1928 году в Белграде.

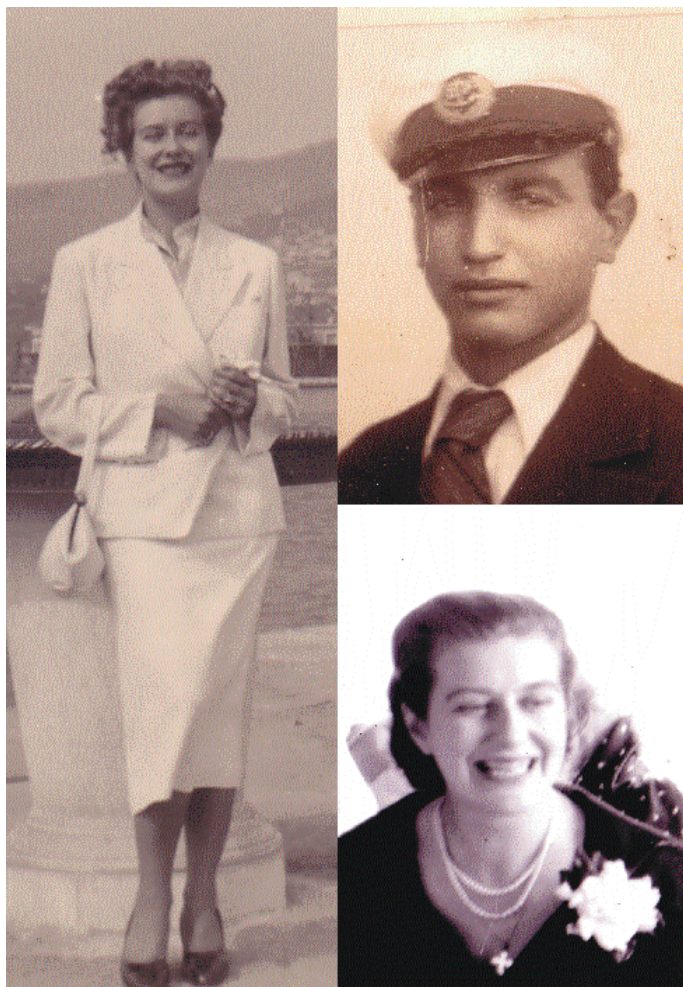

Слева направо: Юрий Молчанов, Вера Молчанова (в девичестве Вишнякова),
Елизавета Вишнякова и у её ног Лидочка Молчанова, Белград, 1935 год.
Из семейного альбома Молчановых.

Лидочка закончила Белградский Университет по специальности фармакология. Когда мы встретились с ней в первый раз в Америке в 1991 году, то с удивлением обнаружили, что мы обе имеем близкие специальности и интересы. Наши отцы Юрий и Павел Молчановы были очень похожи внешне, также чертами характера и увлечениями, несмотря на то, что расстались в 1920 году и никогда больше не видели друг друга. Оба брата были инженеры и увлечены своей профессией. Оба играли на пианино, увлекались литературой, писали стихи, разводили цветы, если такая возможность предоставлялась. Несомненно, что эти качества были заложены в детстве в семье в Забайкалье и сохранились на всю жизнь.

Жизнь Лидочки Молчановой в эмиграции в Югославии складывалась крайне сложно. К моменту начала Второй Мировой Войны в 1941 году она получила высшее образование. Операция по захвату Югославии началась 6 апреля 1941 года. Уже 13 апреля пал Белград и страна была оккупирована гитлеровскими войсками. Семьи Молчановых и Вишняковых бежали из оккупированной Югославии, и скрывались в горах в Австрии. К концу войны они приняли решение добираться до Америки. Вопрос осложнялся болезнью бабушки Елизаветы Вишняковой. Она была на инвалидном кресле после всех перенесенных несчастий и её состояние не позволяло ей путешествовать. Лидочка Молчанова взяла на себя обязанность ухода за больной бабушкой и перебралась с ней в Трест, где она сама могла работать по специальности. После смерти бабушки Лизы в 1949 году Лидочке удалось добраться до Ванкувера, Канада, где она проработала почти четыре года на химическом предприятии. К этому времени Молчановы и Вишняковы уже жили в Сиэтле в штате Вашингтон, США. В 1954 году Юрий Григорьевич Лермонтов пришвартовался в Сиэтле, штат Вашингтон, США, и сошел на берег в чине морского капитана второго ранга. Ему было 44 года и он серьезно думал об устройстве своей собственной семьи. Юрий Лермонтов

быстро нашел своих знакомых Вишняковых и Молчановых через русскую общину в Сиэтле и узнал, что знакомая ему с детства Лидочка Молчанова, превратившаяся в очаровательную молодую даму, живет и работает в Ванкувере.

Лидочка Молчанова и Юрий Лермонтов, 1940 и 1970 годы.
Из Семейного альбома Молчановых, Лермонтовых.

Их роман развился стремительно и продолжался всю жизнь. Юрий Григорьевич Лермонтов сочетался сначала гражданским браком с Лидией Георгиевной Молчановой в 1955 году, а потом они венчались в Русской Церкви в Сиэтле.

Венчание Юрия Лермонтова и Лидии Молчановой.
Сиэтл, штат Вашингтон, США, 1955 год.
Из семейного альбома Лермонтовых.

Свадьба была настоящей русской. Оба, жених и невеста, выглядели очаровательно. Юрий Григорьевич оставил службу в торговом флоте, так как не считал возможным оставлять жену одну на долгое время плавания. Он закончил курсы чертёжников и работал дизайнером в самой крупной в Америке авиастроительной компании «Бойнг» («Boeing») 1956-1988. Лермонтов был подготовлен материально к семейной жизни и молодая пара купила дом в Сиэтле на берегу Тихого океана. Вскоре к ним присоединились Лидочкины родители Юрий Васильевич и Вера Александровна Молчановы. Семья жила очень дружно. Ольга Александровна Вишнякова, в замужестве Ломоносова, в шутку называла семью Лермонтовых-Молчановых «веником», т. к. что бы ни случилось в их жизни, они всегда были вместе, готовые прийти на помощь друг другу. Лидочка легко получила лицензию на работу в Американском здравоохранении и занимала должности главного фармацевта в госпиталях. Так что семья жила более, чем благополучно. В 1958 году, 18 июля, у них родилась дочь -Татьяна.

Слева направо: Вера Молчанова, Юрий Молчанов, Танюшка Лермонтова, Лидочка Молчанова-Лермонтова, 1963 год, Сиэтл, штат Вашингтон, США. Хотя мне даже трудно написать, что «она звалась Татьяна». В семье Лермонтовых всегда все называли друг друга ласковыми именами: Юрочка, Лидочка, Танюша, соблюдая при этом уважительный и даже почтительный тон. Много позже я узнала, что Таня Лермонтова была названа как б в честь старшей дочери (т.е. в мою честь) брата Юрия Васильевича – Павла Васильевича Молчанова, проживавшего в России. Так вот и жили Таня Молчанова в России и Таня Лермонтова в Америке, тетья и племянница, не знавшие друг друга до 1991 года.

Таня Лермонтова и её сын Юрий Лермонтов, Эдисон, штат Нью-Джерси, США, 1990 год.

А в это время в России в 1951 году Павла Васильевича Молчанова переводят во вновь организованное (1948 г.) «Министерство Угольной промышленности СССР» (Министр Засядько А.Ф.), где он возглавлял производственный и технические отделы открытых работ Главного управления открытых работ до 1954 года. Павел Васильевич был

многократно отмечен грамотами и благодарностями за успешную работу и передовые внедрения в практику. (В этот период работы ему полагалась персональная машина и шофёр, были значительно улучшены жилищные условия). В 1953 году родилась моя сестра Марина Молчанова. Тогда папе было 48 лет и, конечно, любовь к позднему очень милому ребёнку была особенной. В 1954 году Павел Васильевич вновь был переведён на работу в Институт Горного Дела АН СССР, сначала на короткий срок в качестве старшего инженера. А после защиты им диссертации на звание Кандидата Технические наук в 1955 году он становится Ученым секретарём Института Горного Дела АН СССР. Находясь в должности Ученого секретаря ИГД АН СССР в течение 10 лет П.В. Молчанов неоднократно выезжал за рубеж, опубликовал много печатных трудов, монографии. Был удостоен почетными и денежными наградами за организационную деятельность по развитию международных связей с зарубежными странами в области горной науки и техники. В 1968 г. Павел Васильевич был откомандирован в Комиссию по изучению производительных сил и природных ресурсов при Президиуме АН СССР в должности старшего научного сотрудника по проблемам геологии и горного дела, где он активно проработал до последнего дня своей жизни.

Наша мама Людмила Ивановна Молчанова всегда отличалась чрезвычайной профессиональной активностью, папа поддерживал её, поэтому у нас с сестрой была няня Клава, попавшая к нам в 1950 годах и никогда более не покидавшая нашу семью. Клабочке мы обязаны многим. Она не только помогала по хозяйству – она всегда была и есть любимый член нашей семьи. Деятельность Людмилы Ивановны Молчановой в здравоохранении Москвы и России была плодотворной, многообразной и неоднократно отмеченной правительством. В 1946 году она - врач городской больницы, а в 1950-1960 годах уже – главный врач клинической больницы, а затем председатель районного (Ждановского, а с 1988 г. Таганского) отдела здравоохранения г. Москвы. В 1960-1963 годах Людмила Ивановна - начальник платных поликлиник Москвы, а с 1963 по 1985 год она – председатель Московского Городского отделения Российского Красного Креста. Энергичный, порой бескомпромиссный характер нашей мамы в сочетании с огромной работоспособностью вызывал уважение среди коллег и начальства. В ведении Московского Городского отделения Российского Красного Креста в те годы были донорские пункты в Москве. Организация их работы влияла на снабжение кровью «банков крови», а это уже имело не только гражданское значение, но военное и политическое. С миссиями Красного Креста Людмила Ивановна Молчанова посетила многие страны мира: Болгария, Польша, Чехословакия, Венгрия, Германия, Австрия, Греция, Ливан, Афганистан, Япония. Эта должность тогда приравнивалась к министерской и поэтому персональная машина и дача входили в «пакет» обслуживания. Безусловные организаторские способности Людмилы Молчановой и усвоенные за рубежом новые формы повседневной жизни проявлялись и в нашей семейной жизни. Умением организовать своё время, быть собранной и подтянутой на работе, независимо от домашних проблем, я очевидно должна

быть обязана чертам характера, воспринятым от моей мамы. Людмила Ивановна Молчанова вышла на пенсию заслуженным врачом России в 1985 году.

Самым близким другом нашей семьи и особенно моего папы Павла Васильевича Молчанова с 1960 годов и до 2005 года был Михаил Васильевич Янчевецкий (1913-2005), сын дипломата и знаменитого писателя Василия Яна, известного романами «Чингисхан» (1939), «Батый» (1942), «К последнему морю» (вышел в 1955, после смерти писателя). Знакомство их произошло случайно. Дядя Миша и тетя Дина (жена Михаила Васильевича) оказались соседями по купе с моими родителями при поездке в Сочи в 1959 году. С тех пор их дружбу прерывала только смерть.

Михаил Васильевич Янчевецкий (слева) и Павел Васильевич Молчанов (справа), 1974 год, Москва.
Из семейного альбома Молчановых.

Дядю Мишу и моего папу объединяли общие жизненные ценности, увлечения музыкой и литературой. Вероятно, они много говорили и об истории своих семей. Мать Михаила Васильевича – Ольга Петровна Виноградова – Янчевецкая (1890-1978), очень популярная исполнительница русского романса, была вынуждена эмигрировать в 1920 году и жила в эмиграции в Югославии. Полагаю, что тема русских эмигрантов, в частности в Югославии, запретная в Советском Союзе в шестидесятые годы, так объединила дядю Мишу и моего папу, что они стали, как братья. Михаил Васильевич получил разрешение на приглашение своей уже тогда восьмидесятилетней мамы в Москву в 1970 году. Ольга Петровна Янчевецкая окунулась в Москве в теплоту семьи, кстати её внучка Маша и правнучка Даша очень похожи на юную Ольгу Петровну.

Приблизительно в это время у моего папы стали появляться письма из-за границы от своего брата. По-видимому, связь с братом была потеряна после смерти Юлии Степановны в 1949 году, а теперь вновь восстановилась. Мне об этом стало известно только в 1985 году. Собственно благодаря этим

письмам, тайно путешествующим через океан и Европу, моему папе удалось достоверно узнать о жизни наших родственников Молчановых и Лермонтовых в Америке. Я уверена, что если встреча моего папы и Михаила Васильевича Янчевецкого была случайной, то помощь Ольги Петровны Янчевецкой и её сына была искренней, они просто не могли поступить иначе. Таково было это поколение людей, переживших разлуку с близкими и ностальгию по вынужденно оставленному отечеству.

Моё детство и детство моей сестры Маришки протекали счастливо и благополучно. Мы обе отлично учились и не доставляли хлопот родителям. В 1959-1965 годах нас отправляли с няней Клавой на всё лето в станицу Голубицкую на берегу Азовского моря, в семи километрах от Темрюка. В 1968 году я ездила отдыхать туда уже с двухлетним сыном Алешей. В те годы это была не тронутая цивилизацией кубанская деревня с изобилием овощей, фруктов, километровыми песчаными пляжами, мазанками с запахом навоза, с едва прикрытым соломенной шторкой туалетом на улице и прочими прелестями глубинной станичной жизни. В августе приезжал папа к открытию сезона охоты, обязательно с интересной компанией и часто с дядей Мишей Янчевецким. С утренней тяги на обширных лиманах они провозили до сорока уток-чернушек, так называли диких уток в тех местах. Я до сих пор скучаю по той привольной жизни в Голубицкой и никакие цивилизованные курорты в Европе и Америке не могут затмить воспоминанья степного раздолья Краснодарского края.

Моя школьная жизнь 1952-1963 была насыщена разнообразными событиями. 12 апреля 1961 года вся наша школа буквально взорвалась от сообщения о первом космическом полете Юрия Гагарина, хотя в целом школьная жизнь была хорошо организована и ученики были дисциплинированными. Наша школьная команда по волейболу, где я играла, занимала первые места в соревнованиях московских школ. Наш школьный хор, под руководством Ильи Прокопьевича Бабичева, где я также участвовала, занял однажды первое место по Москве и мы пели на сцене Колонного Зала Дома Союзов. В школе тогда были обязательные занятия танцами: классическими и народными, был драмкружок. И, конечно, много внимания уделялось, так называемому, трудовому воспитанию. Уроки: столярного, слесарного, кулинарного, швейного дела, рукоделия оказались очень полезными в дальнейшей жизни. Во времена хрущевской оттепели в конце 1950 начале 1960 годов мы заслушивались песнями Окуджавы, спорили о Вознесенском, Рождественском, Ахмадулиной и Евтушенко. А немного позже тайно танцевали рок-энд-рол и боготворили Элвиса Пресли, тоже тайно записанного или привезенного из Штатов.

Однако все эти увлечения и развлечения не мешали основной цели – приобретению знаний. Мне кажется, что уже где-то в восьмом классе я определилась в своем будущем. Моими главными предметами стали: математика и физика. Я и по сей день уверена, что именно они определяют

развитие науки. На втором месте по моей градации были химия и английский язык. Два последних года в школе я посещала дополнительные лекции по математике и физике, тогда организованные для школьников в Московском Университете и в Политехническом музее. Лекционные залы - переполнены, лекции читали квалифицированные преподаватели, в основном в субботу и в воскресенье. Сейчас кажется, что это было фантастическое время, т.к. просто невозможно представить современных российских школьников добровольно посещающих дополнительные лекции по таким теперь скучным предметам, как математика и физика. А ещё труднее представить, что после уроков наша компания (в основном состоящая из мальчишек) устраивала соревнования по решению задач по алгебре и геометрии. При этом никто из нас не считался «синим чулком», просто тогда это был наш образ жизни. Выбор института по окончанию школы в 1963 году представлялся безусловным: Московский физико-технический (МФТИ) или Московский инженерно-физический (МИФИ). Однако, после посещения лекций для абитуриентов, мне показалось, что в эти институты могут поступать только мальчишки и я отступилась. Выбор пал на Институт Тонкой Химической технологии им. М.В. Ломоносова (МИТХТ), факультет полупроводников, как наиболее близкий к физике. Конкурсы в высшие учебные заведения технического направления тогда были: в Университете на мехмат и химфак порядка 15 человек на место, МИТХТ – 10 человек на место. В тот год стала набирать популярность биология и генетика. На биофаке МГУ было 25 человек на место, но он меня не интересовал, пока. Привилегии поступления в ВУЗ для медалистов отменили за год до моего поступления в ВУЗ. Поэтому я сдавала экзамены по полной программе, но все на отлично, кроме сочинения, т.к. с грамматикой русского языка была всегда не в ладу, хотя писать очень любила. Так я стала студенткой МИТХТ на Малой Пироговской, напротив знаменитых Архивов России, которые я просто не замечала, пока.

Три года все студенты тогда учились по общей программе, а на четвертом начиналась специализация. Факультет полупроводниковых материалов считался привилегированным и мы получали повышенную стипендию (вместо 45 рублей – 55 рублей), я получала как отличница – 65 рублей, что по тем временам было немало (зарплата начинающего специалиста в среднем была 105 рублей).

На втором курсе института в 1965 году я вышла замуж довольно неожиданно для родных и даже для себя. Мой первый муж Анатолий Ляховский, из семьи преподавателя Московского Высшего Технического Училища им. Н.Э. Баумана (МВТУ) к.т.н. Льва Кирилловича Ляховского и экономиста Ирины Эдуардовны Ляховской, в девичестве Дыклоп (родители Ирины Эдуардовны – Эдуард и Валерия Дыклоп были известные специалисты в области технологий мясомолочной промышленности. Их сын, брат Ирины Эдуардовны – Дыклоп Анатолий Эдуардович (1915-1937) расстрелян на Соловецких островах). Впоследствии Дмитрий Лавровский, внук сестры Льва Кирилловича Ляховского – Валентины Кирилловны, стал первым партнером и другом знаменитого российского миллиардера Романа

Абрамовича. Дима Лавровский рано погиб, и Роман Аркадьевич до сих пор верен светлой памяти своего друга. Мой сын Алексей Ляховский поддерживает дружеские отношения с братом Димы Лавровского – Кириллом Лавровским.

Анатолий Ляховский закончил ту же, что и я, 474 московскую школу и мы познакомились на вечере встречи учеников этой школы. Анатолий отличался яркой внешностью и был очень спортивен. К тому времени, когда мы познакомились, он закончил МВТУ, работал инженером на закрытом предприятии и страстно увлекался походами в горы и ездой на мотоцикле. Романтика этих увлечений была безусловно увлекательной. Мы трижды на мотоцикле ездили в отпуск в Теберду и Домбай (Северный Кавказ), а однажды даже в Астрахань по пескам. В 1966 году родился сын – Алеша. Конечно, учеба в Институте, семья, маленький ребенок – все это было довольно трудно совмещать, тем более когда моим принципом было приобретение отличных знаний и, следовательно, получение отличных оценок. Огромную помощь оказывали родители и наша неизменно верная няня Клавоchка. К 1969 году стало понятно, что у нас с Анатолием слишком разные интересы в жизни. Я все больше углублялась в науку, а ему интересны были техника, походы, так что развод стал неизбежен.

В первой половине четвертого курса, когда началась специализация, мне стало очевидно, что получение полупроводниковых веществ базируется на довольно однообразных кривых плавления металлов и что их изучение - это нудное и скучное занятие. А вот органическая химия меня начала увлекать возможностью понимания реакций на основании физических законов, да, и сложность реакций – манила как магнит. С обещаниями сдать все задолженности по уже прочитанным предметам я перешла на специальность химия и технология тонких органических соединений. Кафедру возглавлял известный ученый, создатель пилокарпина (средство для лечения глаукомы) профессор Николай Алексеевич Преображенский (1896–1968). Через короткое время у нас с Николаем Алексеевичем установились почти дружеские отношения. В конце 1967 года он попросил меня перевести на русский язык и сделать доклад на кафедре статьи Нобелевского лауреата Макса Перутса о рентгеноструктурном анализе молекулы гемоглобина, вышедшей в печати за рубежом в 1964 году. В то время это была область уникальных открытий с применением физических методов для установления структуры биологически активных молекул. Статья была очень сложной, и надо было обладать смелостью и наивностью молодости, чтобы взяться за её перевод и презентацию, не имея специальной подготовки в этой области. Но термины физика и структура белка определили мое решение. Доклад я тогда сделала, помню, что рисовала на доске сложные структуры и было много вопросов, а на меня стали смотреть, как на специалиста в области гемоглобина. Теперь я понимаю, что риск был большой, но с тех пор моя научная карьера стала связана с молекулой гемоглобина. Первая

диссертация была посвящена пептидным кровезаменителям на основе гемоглобина. Для её выполнения на кафедре не было ни средств ни оборудования. Выход был найден в сотрудничестве с Институтом Молекулярной Биологии Академии Наук СССР (теперь ИМБ РФ). В то время в конце семидесятых в ИМБ гемоглобином занимался Леонид Абатуров в лаборатории изотопных методов. Совместный проект предполагал, что я буду часть времени работать по его тематике, связанной с изучением конформационной динамики гемоглобина, а оставшуюся часть буду работать над своей диссертацией. И я фактически поселилась в лаборатории на несколько лет.

Дом 32 на улице Вавилова был мне знаком с детства. В этом здании с колоннами располагался до 1959 года Институт Горного Дела АН СССР, где мой папа был ученым секретарем. И я ходила на ёлки по лестнице, устланной коврами, на третий этаж, где в актовом зале ставили шикарную ёлку для детей сотрудников института. А в семидесятых с папиного благословения я сама стала там работать по договору. Договор впоследствии оказался сроком на двадцать лет.

Научная жизнь в начале 1970-х годов бурлила на Вавилова 32. В здании располагались два ведущих академических института: Институт Молекулярной Биологии, директор академик Владимир Александрович Энгельгардт, и Институт Биоорганической Химии, директор академик Юрий Анатольевич Овчинников. Сотрудники обоих институтов настолько тесно общались, что иногда не понять, из какого кто института. Но все-таки разница была. В институте Энгельгардта всегда царила более демократичная атмосфера, способствующая творческому процессу. Рабочий день был фактически не нормирован, но люди работали значительно больше, а не меньше, урочного времени, многие до 12 ночи - лишь бы успеть на метро, а то и всю ночь, если дежурил добрый вахтер. В Институте Овчинникова тоже работали много, но Юрий Анатольевич требовал приходить на работу во время, т.е. в 9.30 утра. Зато он очень ревновал, что свет в почти всех окнах института Энгельгардта горит после 10 вечера, а в его институте только в некоторых (были специальные сотрудники для докладов).

В ИМБ каждую неделю в каждой лаборатории проходили семинары, на которые собирались все интересующиеся сотрудники и даже из других институтов. В нашей лаборатории Изотопных методов семинары проводили в коридоре, спорили чуть не до драки, потом все вместе пили чай и много шутили. Каждому научному сотруднику, поработавшему в такой творческой и почти семейно-научной атмосфере не хотелось покидать стены этого института. В те годы в институте гармонично развивались все направления биохимии и молекулярной биологии: физика биополимеров (Волькенштейн, Иванов, Журкин, Абатуров), структурная организация хроматина (Мирзабеков, Студицкий, Бавыкин, Карпов, Постников), биохимия ферментативного катализа (Браунштейн, Поляновский, Демидкина), структура генома (Баев, Георгиев, Киселев).

К этому времени я уже рассталась с МИТХТ и первой диссертацией. Идея о кровезаменителях, основанных на пептидах, т.е. фрагментах огромной молекулы гемоглобина, после изучения свойств гемоглобина в сотрудничестве с ИМБ, стала выглядеть несостоятельной. Кроме того, как я узнала через двадцать лет работы в белковой химии, синтез пептида который я должна была осуществить в семидесятых годах был реализован усилиями многих ученых только в конце девяностых. Так что моё тогдашнее решение было оправданным. Тем более меня всё больше увлекали исследования свойств гемоглобина в растворе, которые я проводила в сотрудничестве с Абатуровым в ИМБ. Моя основная работа в восьмидесятых годах была в Гематологическом Научном Центре (директор О.К. Гаврилов, позже А. И. Воробьев), где перед группой научных сотрудников поставили задачу организовать первый в стране центр по молекулярной диагностики гемоглобинопатий на основании определения наследственных аминокислотных мутаций в молекуле гемоглобина. Методы, которыми я уже владела, позволили относительно быстро внедрить их в новой лаборатории. Поэтому я продолжала одновременно работать в двух научных учреждениях по двум тематикам: в Гематологическом Центре и в Институте Молекулярной Биологии. Работы было очень много, но она так увлекала, что практически не оставляла времени на личную жизнь. Теперь я понимаю, что такая самоотдача работе была очень вредна моему сыну. Алеша жил большую часть времени у моих родителей. Я старалась проводить с ним так много времени, как мне позволяли мои эксперименты. Казалось, что сын растет спокойным, неплохо учится, умный и рассудительный. Много лет спустя мы обсуждали с ним эту проблему и я поняла, что упустила важное для него и для себя время, но прошлого было не вернуть, хотя отношения у нас остаются теплыми и доверительными.

В 1980 году мне стало понятно, что экспериментальных данных по изучению разных аспектов молекулы гемоглобина собрано так много, что надо определяться в теме защиты диссертации. В Гематологическом Центре настаивали на теме «Молекулярная диагностика гемоглобинопатий», да и формальные аспекты защиты диссертации были в пользу такого выбора. Однако мой собственный научный интерес лежал в области динамики структуры гемоглобина – теме, которой я занималась в ИМБ. Полученные результаты выявляли новые аспекты и указывали на различия в структуре белка в растворе по сравнению с данными рентгеноструктурных исследований, а изучение стабильности гемоглобина позволяло выдвинуть новый подход в области молекулярной генетики.

Решающим оказался 1980 год и в моей личной жизни. В апреле я вышла замуж за Юрия Постникова.

Татьяна Молчанова и Юрий Постников, Москва, 1980 год.

О нашем знакомстве мы говорим шутливо, что познакомились в «женском туалете» Гематологического Центра. Дело в том, что первая комната лаборатории молекулярной диагностики гемоглобинопатий была перестроена из женского туалета, что «красочно» характеризует отношение руководства к вновь организованному новому направлению гематологической науки. В ней находилось моё основное рабочее место. Комната была предназначена для проведения работ с вредными химическими веществами, которые широко используются в белковой химии. Юрий Постников пришел работать в нашу группу после окончания первого Московского Медицинского Института, сознательно сменив профессию врача на научную профессию молекулярного генетика.

Родом Юра из очень интересной семьи. Его мама – Милица Александровна Чигаева (1922-2007) по отцу и деду происходила из дворян Воронежской губернии Чигаевых. Юрин прадед Александр Федорович Чигаев (1856-1917) был старшим сыном действительного статского советника Фёдора Семёновича Чигаева (1830-1910). Он закончил юридический факультет Московского университета в 1881 году. С 1914 года служил председателем хозяйственного комитета и старшим инспектором Государственного банка в Петербурге. В том же году получил чин действительного статского советника (что соответствует воинскому званию генерала) Александр Федорович был награждён орденами Св. Станислава 2-й ст (1896), Св. Анны 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й ст.(1911), а также медалями "В память войны 1854-55 гг", "В память царствования императора Александра III", "В память 300-летия Дома Романовых", знаком Красного Креста. За ним числилось родовое имение 325 десятин земли в Тамбовской губернии. Он был женат на

Паренаго Евгении Павловне (1864-после 1937), происходивший из дворян и у которой была усадьба и сад в 15 десятин (1 десятина = 1.09 га) в селе Гремячем Воронежской губернии.

Статский советник Александр Федорович Чигаев, Воронеж, 1902 год.

Брат Александра Федоровича - Николай Фёдорович Чигаев (1859 – 1919)- статский советник, доктор медицины, профессор психоневрологического института, главный врач Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Петербурге, лечащий врач Георгия Александровича (1871- 1899) наследника цесаревича и великого князя, второго сына императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Сын Николая Федоровича – Федор Николаевич Чигаев (1896 – после 1923) закончил Морской Кадетский Корпус, капитан лейб-гвардии Измайловского полка, был близок к кругу известному как "Измайловские Досуги" (1891-1914) Великого князя Константина Константиновича.

Федор Николаевич Чигаев, 1923 год.

В 1919 году Федор Чигаев и два его друга Николай Коринтели и Георгий Семенов совершили геройский поступок, о котором в 1968 году писали в журнале «Наука и жизнь». Эти три гардемарина, находясь на службе во Владивостоке с помощью Начальник Морского Училища капитана Михаила Александровича Кितिцына восстановили списанную шхуну и назвали её «Тюлень» в честь знаменитой черноморской подводной лодки, которой когда-то командовал Кितिцин. На «Тюлене» они вышли в плавание в конце мая 1919 года с отрядом судов, состоящем из канонерской лодки «Якут», посыльных судов «Улисс», «Диомид» и «Патрокл» направился к берегам Камчатки. Все суда достигли Камчатки, кроме шхуны «Тюлень», и она считалась погибшей. О её судьбе и судьбе экипажа стало известно через полгода. Шхуна «Тюлень» потерпела крушение у берегов Камчатки, её верхняя палуба была снесена штормом, а из экипажа в живых остались три гардемарина Чигаев, Коринтели и Семенов.

Их дрейф продолжался 114 суток. За это время «Тюлень» отнесло от берегов Камчатки более чем на четыре тысячи миль (около восьми тысяч километров) в Южное полушарие. Их спас аргентинский пароход «Патрия» в районе Полинезийских островов, следовавший в Сингапур.

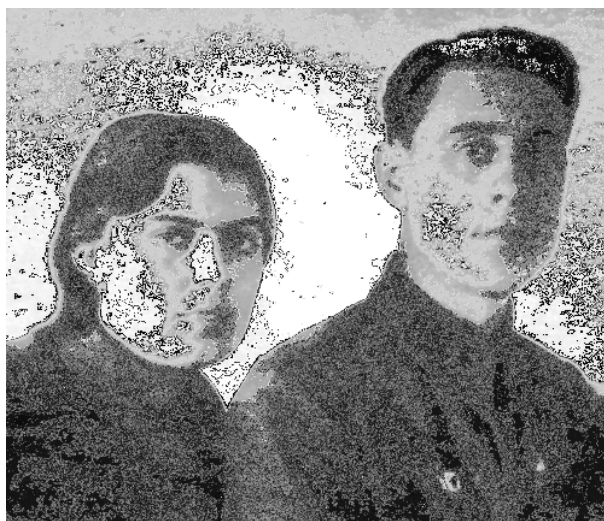
Как я уже писала выше в 1920 году корабли «Якут» и «Орел» под командованием капитана Кितिцина ушли из Владивостока и на одном из них навсегда покинул Россию мой дядя Юрий Молчанов. Имя Чигаев было известно Юрию Григорьевичу Лермонтову - мужу моей двоюродной сестры и дочери Юрия Молчанова. Полагаю, что служба во Владивостоке гардемарин в 1919-1920 годах, Юрий Молчанов был знаком с Федором Чигаевым и знал его необыкновенную историю. Только вряд ли мой дядя мог предположить, что его племянница выйдет замуж за троюродного племянника Федора Чигаева и вместе с его другим племянником Вадимом

Николаевичем Рыхляковым (внук Николая Федоровича Чигаева и его возлюбленной балерины Варвары Рыхлякой, главный редактор журнала «Генеалогический вестник», Санкт Петербург) раскопает всю историю и установит родственные связи. Для этого надо было судьбе свести меня с Юрием Постниковым.

Дед Юрия Постникова – Александр Александрович Чигаев (1887 – 1920) служил в Госбанке в Петербурге. В гимназические годы дети Александра Фёдоровича тесно общались с Борисом Михайловичем Эйхенбаумом (1886-1959), впоследствии - известным литературоведом, жившим тогда в Воронеже. Александр Чигаев обладал твердым и независимым характером. Вопреки желанию родителей в 1919 году он венчался со Старосельской Ольге Ефремовне, интересной и образованной девушке из семьи мещан. В 1920 году молодая семья Чигаевых была полна решимости эмигрировать из советской России и находилась в Севастополе. Рождение дочери Милицы – мамы Юрия Постникова, нарушило планы Чигаевых. Тогда Александр Александрович Чигаев решил идти в местный комитет советов, чтобы зарегистрировать своё пребывание в городе. Он никогда не вернулся и семья так и не узнала об обстоятельствах его смерти. Ольга Чигаева с новорожденной дочкой нашла приют у родственников в Харькове и тщательно скрывала свое семейное положение. В 1923 году Ольга Ефремовна вышла замуж за банковского служащего Лазаря Григорьевича Лихтенштейна, но мать и дочь сохранили фамилию Чигаевых.

Семья Лихтенштейнов имеет свою витиеватую историю. Брат Лазаря Григорьевича – Яков Григорьевич Лихтенштейн (1900-1984) был профессиональным разведчиком и служил под псевдоним Бронин. Бронин был «сменщиком» Зорге в качестве резидента советской военной разведки в Шанхае. В конце 1935 г. Бронин был арестован китайской контрразведкой и осужден на 15 лет тюрьмы, но два года спустя его обменяли на сына Чан Кайши, находившегося в то время в СССР. Яков Бронин был женат на француженке Рене Марсо, или Эле Ивановне Брониной. Их дети Сергей и Самуил Бронины (физик и врач-психиатр) проживают в Москве.

Мать моего мужа Милица Александровна Чигаева закончила медицинский институт в эвакуации в Челябинске. В сентябре 1942 года прибыла на фронт под Тагощю, где находился штаб 22-й армии и третий механизированный корпус под командованием генерал-полковника Михаила Ефимовича Катукова. Милицу Чигаеву определили в медико-санитарный взвод под командование военврача Черновалова. Однако вскоре на очередном совещании командного состава, где Милица Чигаева докладывала об состоянии медицинского обеспечения, её красота и профессиональность была замечена капитаном Владимиром Никитовичем Постниковым, который был военврачом в 1-й гвардейской танковой бригады в составе корпуса Катукова. Вскоре она стала его помощником, потом боевой подругой, а потом и женой.

Милица Чигаева и Владимир Постников 1942 год.

Милица Александровна сопровождала танковые войска на Калининском направлении, а 1943 году на Курском направлении. В августе 1943 года она покинула боевые части в связи с беременностью и приехала в Москву, где в это время уже жили и работали её родители.

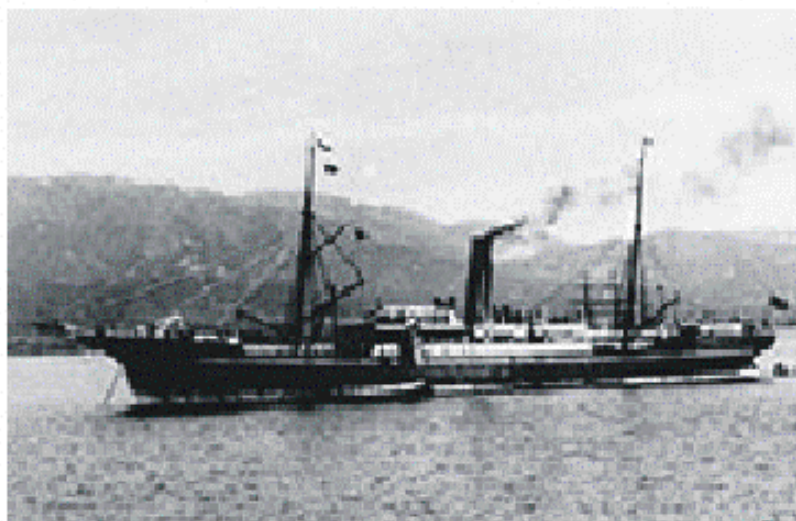
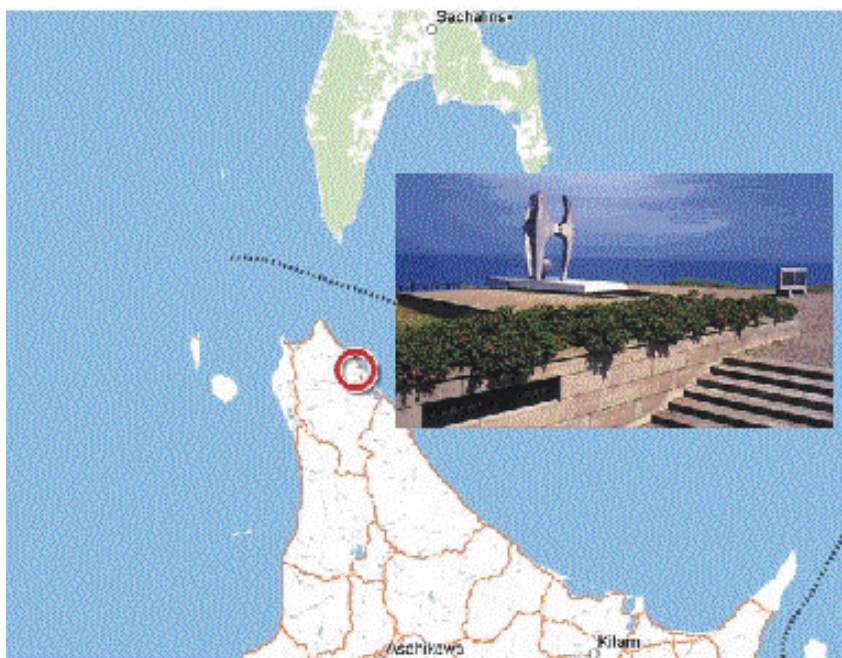
Отец моего мужа – Владимир Никитович Постников родился в 1916 году в Керчи. Фамилия Постников – это фамилия его приемного деда Семена Петровича Постникова. Семен Петрович Постников был женат на Степаниде Кондратьевне, которая являлась приемной матерью Никиты. Никита был сын сестры Степаниды Кондратьевны - Елизаветы Кондратьевны и её мужа Василия Хрони, обрусевшего грека. Когда умерла Степанида Кондратьевна, то Постников Семен Петрович женился на Варваре Антоновне Фудиной и усыновил еще двух детей: Веру Гавриловну Фудину и Дмитрия Гавриловича Фудина. Так Вера стала Верой Семеновной Постниковой и она мать Владимира Никитовича Постникова и бабушка Юрия Владимировича Постникова. А случилось это потому, что умирая Семен Петрович Постников завещал пожениться его приемным детям Вере Семеновне и Никите Семеновичу Постниковым (на самом деле по родным родителям Вера Семеновна была Вера Гавриловна Фудина, а Никита Семенович был Никита Васильевич Хрони).

Никита Семенович Постников, чтобы обеспечить семью, с 1930 по 1939 год работал на рыбных промыслах «Дальрыбoproдуктов», а в 1939 году был помощником управляющего Тауйского района, Магаданской области.

Никита Семенович Постников, 1930 год.

В 1939 году 12 декабря Никита Семенович Постников погиб во время крушения парохода «Индибирка» у берегов острова Хоккайдо в нескольких километрах от деревни Саруфуцу в Японии. Кораблекрушение «Индибирки» относят к 100 великим кораблекрушениям двадцатого века и называют его гибель - «гибелью Советского Титаника» по количеству жертв крушения. В трюмах «Индибирки» возвращалось из ссылки более 800 освобожденных заключенных, а всего около полутора тысяч человек, в том числе дети и женщины. По данным японских газет, всего было спасено 430 человек. В российской прессе гибель «Индибирки» практически не освещалась до времен перестройки из-за пребывания на его борту заключенных, что сделало это событие малоизвестным. Его пытались предать забвению. Но не забыли о гибели несчастных в поселке Саруфуцу. Ежегодно 12 декабря местные жители отмечали день их памяти. В 1969 году у местной администрации возникла идея установить на месте надгробия настоящий памятник. В 1970 году было создано «Общество по сооружению памятника погибшим при кораблекрушении судна «Индибирка». 12 октября 1981 года состоялось открытие монумента. По задумке японского архитектора И. Кендзи, пьедестал выполнен из серого дальневосточного гранита. Сам памятник представляет собой пятиметровую металлическую скульптуру в виде трех взявшихся за руки стилизованных фигур, защищающих человеческую жизнь. Своеобразный символ помощи в общей беде.

Место гибели парохода «Индибирка» в 1939 году и памятник, построенный на средства японцев из деревни Саруфуцу.
Пароход «Индибирка» на полном ходу.
Затонувший пароход «Индибирка».

Сын Никиты Семеновича Постникова и отец моего мужа – Владимир Никитович Постников в 1940 году закончил Бакинский Медицинский институт и был направлен служить врачом на западные граница Белоруссии, где и встретил под шквальным огнем нападение гитлеровской Германии 22 июня 1941 года. В Отечественную Войну Владимир Никитович Постников служил военврачом в рядах танковых войск под командованием М. Е. Катукова и вместе с этими войсками участвовал в победной битве под Москвой, в Курской битве, освобождении Украины, Львовско-Сандомирской операции, в Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях, закончив войну в чине полковника медицинской службы. Владимир Никитович боевой офицер, отмеченный многочисленными высокими наградами отечества за службу и один из немногих свидетелей победы России в Великой Отечественной войне.

Милица Александровна Чигаева и
Владимир Никитович Постников 2004 год.

С 1946 и по 1950 год Постников служил в Германии заведующим отделения дермато-венерического госпиталя сначала в Дрездене, а потом в городке Ошац, Саксония (между Лейпцигом и Дрезденом), где он жил с семьей: Милицей Александровной и сыном Сашей. По рассказам мамы моего мужа немцы относились к русским без агрессии и ненависти, скорее спокойно и холодно. Жизнь в послевоенной Германии была сложной, но не бедственной. Русские семьи обычно собирались компаниями, свободное время проводили на охоте, рыбалке, музыкальных вечерах. После 1950 года Постниковы возвращаются на родину и три года проводят в постоянных перемещениях: Баку, Кировабад (ныне Гянжа), Тбилиси. С 1953 года семья Постников живет в Москве, где и родился в августе 1953 года их второй сын Юрий – мой будущий муж.

Когда мы с Юрой поженились в 1980 году, мы считались преуспевающими научными сотрудниками, в меру обеспеченными, т.к. имели на троих (мой сын Алеша, Юра и я) двухкомнатную квартиру в Беляево (32 кв. метра). Наша жизнь в основном определялась научной работой. Научные и другие интересы: любовь к авторской песне, к джазу, к литературе (авторам, которые всё ещё оставались на полулегальном положении), и презрительное, но скрываемое, отношение к коммунистическому руководству во всех сферах, объединяли нас с довольно узким кругом творческой интеллигенции. К этому кругу принадлежали Татьяна и Сергей Никитины, Александр Суханов, Евгений Бачурин, Александр Дольский, Виктор Берковский, Верочка Черникова (журнал «Химия и Жизнь»). На кулуарных концертах в Институте Молекулярной Биологии выступали: Владимир Высоцкий, Андрей Миронов и Александр Ширвиндт, пародист Александр Иванов, Михаил Казаков, Михаил Жванецкий и другие. Многие из них после концертов пили чай в нашей 113 комнате, где собиралось много народа поболтать.

Наше практически бесправное положение в управленческой системе власти, нежелание принять правила игры власть имущих и поскудиться своими принципами создавало состояние внутренней изолированности от советской действительности. Это состояние усиливала необходимость постоянного сосредоточения на творческой деятельности, обдумывание идей, планов экспериментов, полученных экспериментальных данных, постоянное чтение текущей научной литературы (на английском языке), обсуждение данных, обоснование и отстаивание своей научной точки зрения. Результаты научной деятельности публиковались в основном в советских научных журналах, небольшой процент в зарубежных. Но благодаря представительству маститых ученых и функционеров от науки на международных симпозиумах и конференциях, запад был хорошо осведомлен о развитии науки в России. Советская наука росла и крепла в недрах перекошенной государственности не благодаря её заботе, а как бы вопреки, сама по себе. Ведь те отчеты, которые мы представляли, например, в дирекцию Гематологического Центра, где продолжали официально трудиться, почти никто не понимал и не представлял их научной значимости. Но поскольку мы много работали, делали диагностику редких заболеваний крови и активно участвовали в научных дискуссиях, то нам как бы доверяли и поддерживали скудное финансирование, к тому же управленцам было указано, что науку надо поддерживать. В этих условиях тем, кто был увлечен и понимал, что участвует в мировом процессе развития современной биологической науки можно было выжить и мы выживали.

В научных семьях дети вырастали почти предоставленные сами себе, если оба родителя были учеными. Так и нашему Алеша доставались редкие свободные вечера и выходные. Официальные отпуска, почти месяц в летнее время, лишь частично использовались для совместного отпуска. Да и денег поехать семьей отдохнуть на море не было, поэтому ездили к родственникам на дачу, а иногда в Ялту в Крым, благо, что там жила семья Юриной тети

Людмилы Никитичны Постниковой. Такое положение вещей в семье, на которое я обращаю внимание, было вынужденным. Знания, реактивы, оборудование, которые были необходимы, чтобы работать в большой науке, проходило добывать тяжким трудом и изобретательностью.

В 1981 году я стала кандидатом биологических наук, предварительно сдав пять, а не три экзамена по специальности, т. к. защита была не по химии, а по биологии. Один из моих оппонентов директор Института паразитологии и тропической медицины профессор Федор Федорович Сопрунов убеждал меня, что содержание и объем моей диссертации соответствуют докторской и что он поставит вопрос о присуждения мне доктора наук. Я его поблагодарила за высокую оценку, но просила не поднимать этого вопроса на ученом совете. Причина была в том, что диссертацию я выполняла под руководством кандидата химических наук Леонида Васильевича Абатурова, высококлассного специалиста в области исследования конформационной динамики белков, работающего в Институте Молекулярной Биологии АН. Леонид Абатуров не собирался тогда защищать докторскую диссертацию (так он никогда её не защитил, впрочем как и я). И я полагала, что с моей стороны будет крайне не тактично получить более высокую ученую степень, чем степень моего руководителя.

Мой муж Юрий Постников с 1984 года работал в лаборатории структуры хроматина академика Андрея Дарьевича Мирзабекова, который в это время уже был и директором института. Коллектив лаборатории Андрея Мирзабекова уже тогда работал, как мы говорили, в западном стиле. Лаборатория Мирзабекова была направлена в будущее, работала на пике современных достижений, публиковала научные работы главным образом в западных журналах. Для самого Андрея Мирзабекова характерны высокий профессионализм, организованность, требовательность к себе и сотрудникам. Он старался привлечь в свою лабораторию научных сотрудников разных дисциплин: биология, химия, физика, медицина, математика, компьютерные технологии - с тем, чтобы внести в фундаментальные исследования новые подходы и технологии. В результате такой организации возникали сотрудничающие коллективы с высокой творческой активностью и конкурентоспособностью. В конце 1980 годов по инициативе академика Мирзабекова начали разрабатываться новые технологии - метод биологических микрочипов для определения последовательности генома и детектирования мутаций в генах. В становлении этого направления принимали участие все сотрудники лаборатории. Уже тогда Юрий Постников предложил применить микрочипы для диагностики мутаций в глобиновых генах. Пионерские работы по применению микрочипов для диагностики наследственных заболеваний человека были впоследствии выполнены лабораторией Мирзабекова именно на глобиновых генах. Юрий Постников и я принимали активное участие в этих разработках. Приоритетные работы лаборатории Андрея Дарьевича Мирзабекова по

биологическим микрочипам более двадцати лет тому назад инициировали развитие этого направления во всем мире.

Андрей Мирзабеков, Татьяна Молчанова, Юрий Постников,
лаборатория Джеймса Ватсона, Колд Спринг Харбор, США, 1992 год.

В середине восьмидесятых годов в лаборатории Мирзабекова я познакомилась с группой научных сотрудников: Сергеем Грачевым (лаборатория Мирзабекова) Ольгой Миргородской (Институт аналитического приборостроения АН СССР, Санкт Петербург) и Юрием Кушнером («Лимнологический Институт» АН СССР, Иркутск). Юрий Кушнер в 1984 году был одним из разработчиков принципов масс-спектрометрического метода определения масс биологических молекул (метод - «экстракция ионов из растворов при атмосферном давлении», сокращенно – ЭРИ АД) и прибора, детектирующего массы биологических молекул. Ольга Миргородская - биохимик, и тогда начинала работать по применению этого принципиально нового метода в биохимии и молекулярной биологии. Наша совместная работа быстро увенчалась успехом. В 1987-1989 годах мы опубликовали три совместных работы по применению ЭРИ АД в диагностике аномальных гемоглобинов, которые были первыми в мире по применению этого микрометода в диагностике наследственных заболеваний крови. Спустя тринадцать лет, в 2002 году, Нобелевская премия в области химии была присуждена группе ученых из США, Японии и Германии за создание методов мягкой ионизации для масс-спектрометрических анализов биологических макромолекул (методы стали известны как – Electrospray и MALDI). Ключом к применению масс-спектрометрии в биохимии являлось создание методов ионизации биоорганических соединений (Electrospray). Нобелевская премия была присуждена за разработку масс спектрометрического метода ионизации биоорганических молекул, т.е. того самого метода, который в 1984 году был впервые описан и опубликован русскими учеными (Институт аналитического приборостроения АН СССР, Санкт Петербург и «Лимнологический Институт» АН СССР, Иркутск) как метод ЭРИ АД. Российские разработчики метода, хоть и имели приоритет на эту разработку, в 2002 году не оспаривали решение Нобелевского комитета. Они полагали, что премия учитывала также широкое применение этого метода в практике. Теперь вспоминая, как мы

работали тогда в конце девяностых, становится понятно, что широкое применение блестяще разработанного русскими учеными метода тогда в России было очень сомнительно. Прибор, в одном экземпляре, находился в Институте аналитического приборостроения АН СССР в Санкт Петербурге, и занимал площадь в несколько квадратных метров. Регистрация сигналов происходила на мелованной бумаге, расчет масс осуществлялся вручную с использованием логарифмической линейки. И только большой опыт Ольги Миргородской и наш энтузиазм позволил нам успешно выполнить поставленные задачи. Дальнейшее финансирование проекта, который требовал огромных затрат, тогда в эпоху перестройки было под большим вопросом. Так Нобелевская премия ушла из-под носа российских ученых. В настоящее время все лаборатории мира широко используют именно этот принцип в современных масс-спектрометрах.

Иллюстрацией этого утверждения может служить наш другой совместный проект. В конце восьмидесятых практически на голом энтузиазме, привлекая к работе своих друзей и знакомых, мы отправились в экспедицию на озеро Байкал с целью коллекционирования крови байкальских рыб с последующим установлением аминокислотной структуры их гемоглобинов методом масс-спектрометрии и использования этих структур в качестве маркеров эволюции фауны (рыб) озера Байкал. Проект был поддержан Михаилом Александровичем Грачевым - директором Лимнологического института АН СССР в Иркутске. Для меня этот проект имел семейное значение. Наконец-то мне представилась возможность побывать в местах, где жили и работали мои бабушка и дед и где родился мой папа. Экспедиция прошла очень интересно: незабываемые виды Байкала и научной базы в лесу, наша лаборатория в палатке у «самого синего моря». Образцы крови уникальных рыб были собраны и даже был сделан первичный скрининг гемоглобинов на месте. По возвращению в Москву мы ещё пытались сделать сравнительный анализ пептидов методом масс-спектрометрии - ЭРИ АД, но закончить проект и сделать выводы нам не удалось по объективным причинам практического прекращения финансирования науки в 1990 годах. Началась новая эпоха демократии и выживания в быстро меняющихся условиях.

К эпохе перестройки в нашей семье было три поколения. Наши родители, родившиеся, выросшие и сделавшие карьеру в советское время, были на пенсии. Они уже не могли активно участвовать в политических событиях в стране. Их больше интересовали материальные вопросы обеспечения старости и судьбы их детей. Все они были членами коммунистической партии и трудно переживали крах привычных понятий о её руководящей роли в государстве. Среднее поколение: мой муж, я сама, моя сестра, её муж – мы никогда не принадлежали к советской элите, а были в рядах сопротивляющейся интеллигенции. В девяностых годах мы активно поддерживали перестройку, участвовали в митингах, демонстрациях, клеили

листовки по ночам и спорили о правильности курса Михаила Горбачева. Лично мне уже тогда было ясно, что Михаил Сергеевич, при всей прогрессивности своих взглядов и популярности на западе, не имеет будущего, так как не имеет четкого плана, какие именно политические и экономические цели он преследует.

Наше младшее поколение: сын Алексей и его жена Юлия только что закончили МВТУ им. Баумана, им было по двадцать четыре года. Они не имели жизненного опыта, поскольку выросли в достаточно обеспеченных семьях, а высшее образование предполагало в ближайшем будущем работу по специальности. Но к нашему глубокому сожалению именно этого они и были лишены в сложившейся в 1990 годах политической и экономической ситуациях. Очень быстро стало понятно, что в специалистах-инженерах наше государство не нуждается. Те закрытые предприятия, где они работали по так называемому распределению, судорожно искали новые способы финансирования, а не повышения качества выпускаемой продукции. Наши дети «отсиживали» свои рабочие часы и быстро набирали опыт разочарования и цинизма по отношению к выбранной специальности. По сути специальности были очень нужными, а образование было действительно «высшее» по всем мировым меркам. Но..., кого тогда это заботило? На устах и очень скоро на деле появилось новое привлекательное слово – бизнес.

Мы с мужем в бизнес никак не вписывались и оставались непрактичными «мечтателями» от науки. В конце восьмидесятых и начале девяностых ученые-биологи стали активно выезжать за рубеж. В связи с развитием международного проекта «Геном человека» специальности: биохимия, молекулярная биология, биология, генетика, стали очень востребованы на западе. Россия тоже участвовала в этом проекте, но финансирование было настолько мизерным, что вся надежда была на участие посредством генерирования идей. Можно было попробовать получить приглашение на работу за границей, например, в Америке. Эта возможность казалась очень привлекательной. Но мы рассматривала её с не типичной для тех времен точки зрения. Нам хотелось испытать свои способности и свою научную состоятельность не только в России, которая долго пребывала за «железным занавесом», а на западе, где биологические науки развивались на самом высоком современном уровне. Такая возможность представилась, когда в 1990 году я получила приглашение для участия в Советско-Американском проекте по изучению уникального сибирского озера Байкал. Приглашение исходило от профессора геологии и морских наук Дугласа Вильямса из Университета в Южной Каролине, США. В настоящее время профессор Дуглас Вильямс не только преуспевающий американский ученый, он является академиком отделения естественных наук Российской Академии Наук. Вильямс - третий иностранный академик в этой области во всей истории Российской АН. С Дагом Вильямсом я познакомилась в 1989 году на Байкале, когда он был главой Советско-Американского проекта «Бурение

Байкала» вместе с Михаилом Кузьминым. Поэтому я была приглашена в Университет Южной Каролины для продолжения совместных работ в направлении изучения фауны озера Байкал.

Профессор Дуглас Вильямс, Южная Каролина, 1991.

В том же году я получила приглашение на работу на факультет биохимии и Центр по диагностике гемоглинопатий в Медицинский Университет штата Джорджия, США. Приглашение на работу поступило от профессора Тайтуса Хайсмана, главы обоих департаментов и всемирно известного специалиста в области гемоглинопатий. С профессором Хайсманом я поддерживала переписку с 1988 года по профессиональным интересам.

Профессор Тайтус Хайсман и Татьяна Молчанова, Огаста, штат Джорджия, США, 1991 год.

Слева направо: профессор Хайсман, его жена Гертруда Хайсман, Татьяна Молчанова, Диана Победимская (аспирантка Молчановой), доктор Байсал, Огаста (напротив знаменитого гольф клуба, где проходят международные соревнования по гольфу на мастеров), штат Джорджия, США, 1994 год.

В те же годы запретные слова «родственники за границей» превратились в престижные. Настало время, когда можно было извлечь на свет письма папиного брата и фотографии родственников из Америки, что я и сделала в 1988 году. Однако поиски места нахождения родных в Америке оказались проблематичными. Мой папа умер в 1975 году, а дядя - Юрий Васильевич Молчанов, умер в 1974 году и было только известно, что он похоронен в Сиэтле, штат Вашингтон, США. Моя двоюродная сестра Лидочка Молчанова была замужем – это мы знали, но в конце восьмидесятых точно не знали её новой фамилии. Мама и Михаил Васильевич Янчевецкий помнили, что якобы папа упоминал, что Лидочка замужем за Лермонтовым. И это всё. В семье мало кто верил, что по таким скудным данным мне удастся найти двоюродную сестру в Америке. Перечислю лишь направления моих поисков: телефонные книги в Америке – без результатов; письмо мэру г. Сиэтл – результат нашел меня в 1991 году, когда я уже была в Америке; письмо священнику Виктору Потапову, который возглавлял Русскую Церковь в столице США г. Вашингтоне – ответ с обещанием помочь пришел накануне моего вылета в США; музеи Лермонтова в Тарханах, в Москве. Помощь пришла, как часто случается, неожиданно. Летом 1988 года моя приятельница Ольга Миргородская и я были в гостях у Сергея Павловича Залыгина, тогда главного редактора журнала «Новый Мир». В разговоре я случайно упомянула, что ищу родственников Лермонтовых. На следующий день Оля привезла мне огромную книгу «Лермонтовская энциклопедия» - подарок Сергея Павловича. Эта книга стала для меня путеводителем в поисках родственников – Лермонтовых. Мне удалось найти Серафиму Алексеевну Панфилову – составительницу родословной рода Лермонтовых для энциклопедии, и она дала мне адрес Михаила Александровича Лермонтова, одного из многих Лермонтовых проживавших в США. Как потом выяснилось, Михаил Александрович был почти соседом Лидочки, моей двоюродной сестры, и её мужа -Юрия Григорьевича Лермонтова, в штате Нью-Джерси, США. Он сам отвез письмо моим родным. Так в силу ряда случайных обстоятельств, происшедших только потому что поиск надо вести непрерывно и верить в конечную цель, в 1989 году мне позвонила моя сестра из Америки, а потом прислала частное приглашение.

Таким образом, весной 1991 года я имела три приглашения в США: два на работу по специальности биохимия и молекулярная биология и одно частное от близких родственников. С 26 апреля 1991 началась моя другая жизнь в незнакомой для меня стране с новым языком, новыми законами, традициями и обычаями.

В 1990 году Юрий Постников защитил диссертацию на звание кандидата биологических наук, а в 1992 году приехал в Америку, получив позицию в Национальных Институтах Здоровья, Бетезда, США. Научная карьера в

Америке у меня и через год у моего мужа – Юрия Постникова, складывалась весьма успешно. Мы оба работали в престижных лабораториях, в Национальных Институтах Здоровья, сотрудничали с ведущими специалистами в нашей области, выступали на семинарах, международных симпозиумах и каждый из нас опубликовал более пятидесяти научных статей в ведущих международных изданиях, только за период работы в США т.е. за приблизительно пятнадцать лет.

В девяностых американские родные Лермонтовы (звучит странно, но Лермонтовская эмиграция из России – это совсем отдельная история) встретили меня тепло, по родственному. Лермонтовы жили в роскошном доме с пятью спальнями, тремя гостиными и бассейном во дворе. Но не это оказалось решающим в наших отношениях. Нам было интересно друг с другом, было много общего в понимании ценностей жизни, нам всем было дорого наше прошлое и наши родные. Мы стали друзьями и очень близкими людьми. Тема «Лермонтовский род» стала моим увлечением в свободное время.

Слева направо в верхнем ряду:
Татьяна Молчанова, Юрий Григорьевич Лермонтов,
Таня Лермонтова-Бохман, Ричард Бохман-Лермонтов,
Юрий Постников. В нижнем ряду: Людмила Ивановна Млчанова.

Однако до 2004 года свободного времени почти не было, чтобы обобщить собранный материал о шотландских Лермонтах и российских Лермонтовых. Но в 2004 году я приняла осознанное решение оставить свою основную биологическую науку и приобщиться к рядам ученых, работающих в области истории семей и генеалогий, о чем до сих пор не жалею. Новое научное направление обогатило мою жизнь и расширило рамки знаний естественных наук до возможности узнать мир и попытаться понять связь поколений. В 2008 году выйдет в печать книга «Лермонты-Лермонтовы 1057-2007», написанная мною в соавторстве с представителем шотландских Лермонтов – Рексом Лермонтом.

Наши российские родные: моя сестра с мужем и молодое поколение Молчановых: Ляховские и Виноградовы, живут и работают в Москве. Бизнес оказался тоже увлекательной профессией с доходом, позволяющим жить благоустроенно и интересно.

Моя сестра Марина Молчанова (в замужестве Виноградова) закончила Московский Авиационный Институт (МАИ). Её муж - Игорь Мартынов, имеет два диплома о высшем образовании: МАИ и механико-математический факультет МГУ. Оба работают в бизнесе, много путешествуют.

Марина Виноградова и Игорь Мартынов, Москва, 2007.

Игорь Мартынов, Марина Виноградова, Таня Молчанова и Юрий Постников, США, 2007 год.

Наш сын Алексей Ляховский является совладельцем компании по транспортировке нефтепродуктов.

Алексей Ляховский (крайний справа)
с партнерами по бизнесу, Москва, 1993 год.

Алеша своей верной спутницей, второй женой Женей Бешкуровой в свободное от проблем бизнеса время путешествует. Его маршруты охватывают самые экзотические точки планеты такие как Галапагосские острова, африканские сафари, водопад Виктория, подводное плавание у берегов Таиланда и в Красном море. Мы рады, что он не замыкается просто на целях обогащения, как это характерно для многих «новых русских». В их семье много читают и мы часто дискусируем на темы развития экономики, образования в России и за рубежом.

Евгения Бешкурова и Алексей Ляховский, Тунис, 2005 год.

Наша племянница Дарья Виноградова родилась в 1977 году в Москве, закончила географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства, специальность - внешние долги стран мира, Московского Государственного Университета. Последние три года занимает должность директора по продаже в строительной компании «Процион».

Гольф и яхт клуб в Пестово, 2007.

Дарья Виноградова, Москва, 2006 год.

Загородный клуб «Пестово» находится в 22 км к югу от Москвы. "Пестово" – второй по величине в России гольф клуб с крупнейшим полем для гольфа в Подмосковье. Общая площадь комплекса составляет 132 га. Из них 72 га – поле для гольфа, которое является основой проекта. Вокруг поля развита обширная инфраструктура: помимо трехэтажного клуб-хауса строится апарта-

отель, яхт-клуб, крытый теннисный корт. Часть земельных участков на территории клуба проданы под строительство частного жилья. Дарья Виноградова с увлечением работает в новом для России проекте, от которого владелец клуба ожидает значительные прибыли. Даша активно поддерживает мои семейные генеалогические исследования и увлекается развивающимся в России направлением психогенетика — раздел психологии, использующий данные генетики и генеалогический метод.

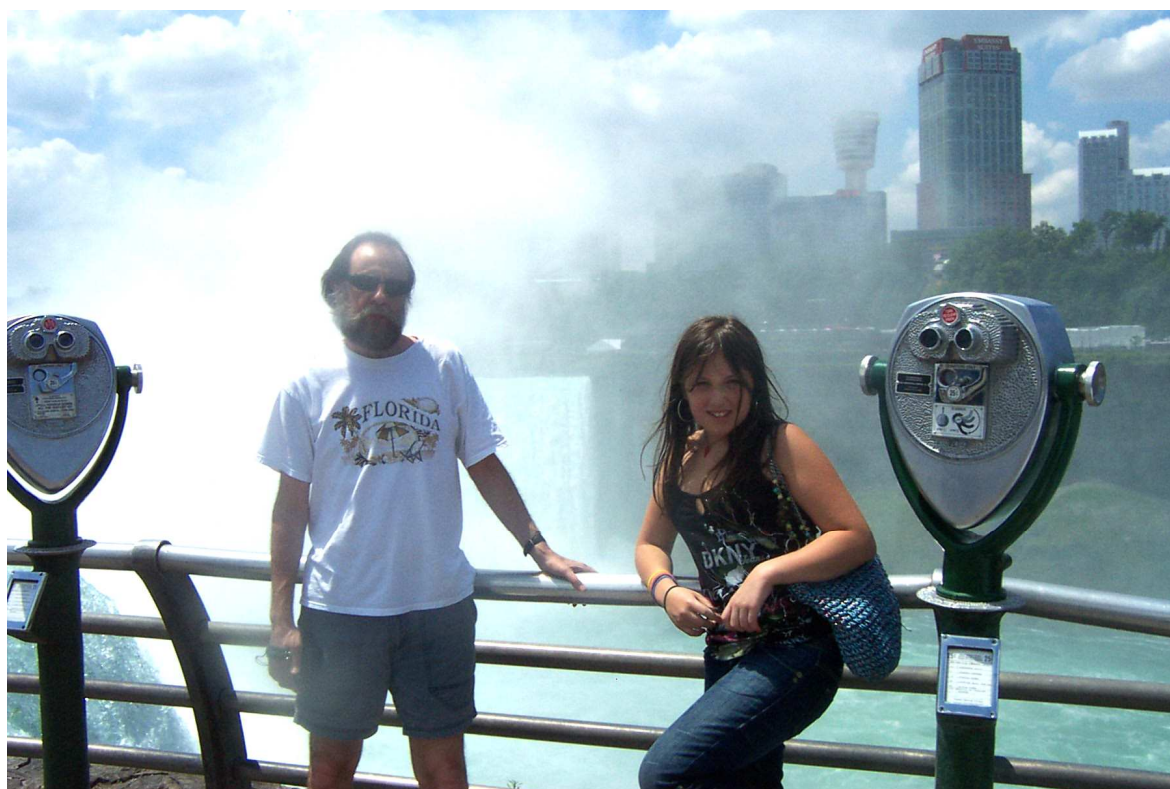
И наконец наше самое младшее поколение – внучка Анечка Ляховская, которая родилась в 1994 году в Москве. Как большинство детей её поколения она не очень представляет, кто такие Ленин и Сталин, и почему шестьдесят пять лет тому назад была Мировая война и Великая Отечественная война. Она растет не заботясь о том, что за десять лет до её рождения Россия называлась СССР и что её дед и бабушка жили в Москве, а не в Америке, куда она прилетает отдыхать каждое лето, как мы когда-то ездили в Подмосковье, а на другие каникулы летает с родителями то в Египет, то в Турцию, то в Китай, то на Бали. Вот такое теперь счастливое детство у нашего младшего поколения.

1996 год, США.

Аня и Алексей Ляховские, 2001 год, Москва.

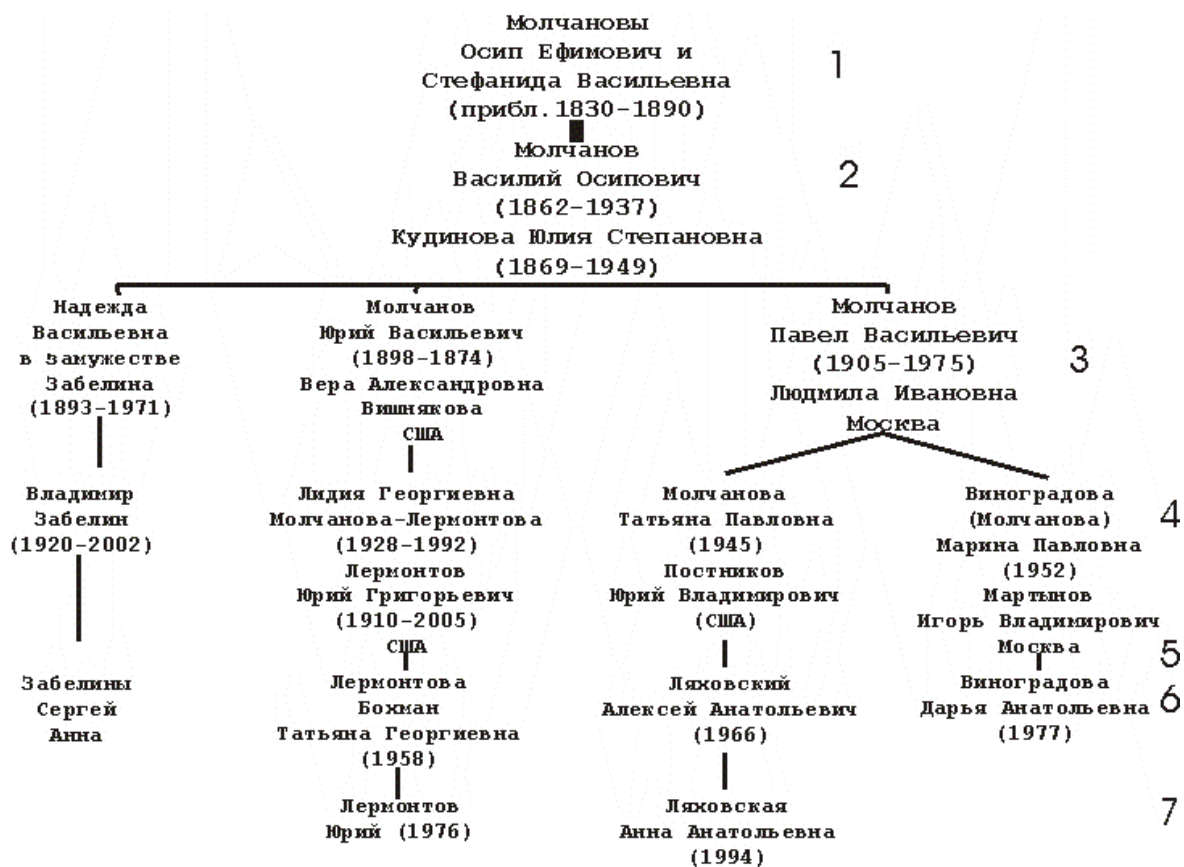

Аня Ляховская и Юра Постников, водопад Ниагара, США, 2007.

Но мы, как старшее и умудренное опытом поколение, конечно, озабочены её интеллектуальным воспитанием. Аня с ранних лет проявляла необычные черты характера и таланты. В полтора года обладала чувством юмора, даже

по отношению к самой себе. В три с половиной года начала писать красками, да так уверенно, что её, хотя и детские картины, нас удивляли. В настоящее время, помимо основных школьных занятий, учиться в Детской художественной школе им. В.А. Серова на Пречистенке. Аня начинала учиться профессиональному пению, и у неё обнаруживался хороший голос и слух, но она оставила это увлечение. Потом ходила на балетные занятия и в теннисную секцию. Казалось, что учеба в школе и отличные оценки ей будут даваться без труда. Однако переходный возраст, влияние необузданных российских телевизионных программ и относительная обеспеченность семьи, как будто поглощают те положительные качества и даже таланты, которые были такими яркими в детстве. Конечно, мы полагаем, что всему свое время и наша внучка очнется от инфантильного подросткового образа мышления. Да и наследственность может помочь ей справиться с проблемами отрочества и юности, и найти интересный и достойный, но свой, жизненный путь. Мы в это очень верим.

Оценивая историю и генеалогию нашей семьи с корнями из Смоленской губернии, можно с уверенностью утверждать, что стремление к знаниям крестьянского сына Василия Осиповича Молчанова, поддержанное его супругой Юлией Степановной Кудиновой, было не просто унаследовано, но значительно развито потомками. В нашей семье все имеют высшее образование и многие дипломированные кандидаты наук. Интересное наблюдение о том, что потомки в нашей семье и в семье моего мужа не имели точной информации о своих предках, но тем не менее следовали проложенному ими курсу совершенствования интеллектуальных способностей, подтверждает идеи о генетической наследуемости интеллектуальной предрасположенности, которая проявляется в поколениях в большей или меньшей степени в зависимости от других черт характера и обстоятельств жизни. Хочется надеяться, что не почитаемое в настоящее время в России понятие «интеллигент» закрепится в поколениях наших потомков, так как его истинное значение: разумный, понятливый, сообразительный, смелый, способный, образованный, умственно развитый, живущий интересами политики, литературы, истории и искусств человек – просвещенный человек, всегда во все века и во всех странах мира позиционировало человека, как уважаемого и полезного обществу гражданина.

Генеалогия Молчановых 1830-2008.

9 января 2007 года.

Татьяна Молчанова, канд.биол.наук.

Ассоциация «Лермонтовское Наследие».

Автор публикаций и книг о роде Лермонтовых.

molchanova57@yahoo.com